

Амонашвили Ш.А. – Созидая человека

ВСТУПЛЕНИЕ

Завтра в торжественной обстановке тебе вручат паспорт. Ты станешь Гражданином, и мы все вспомним о пройденном пути, длиной в шестнадцать лет. Радуюсь твоему паспорту, попытаюсь взглянуть на этот путь от младенчества до рождения Гражданина и обрисовать атмосферу, в которой мы стремились созидать в тебе Человека. Это для нас, твоих родителей, имеет двоякий смысл.

Во-первых, нам необходимо трезво взвесить наши педагогические убеждения, которые, кстати сказать, развивались и формировались вместе с твоим развитием и становлением. В процессе формирования наших убеждений ты, сам этого не подозревая, являлся самым активным участником и, как это ни парадоксально, даже воспитывал нас. В процессе твоего воспитания мы сами воспитывались и как родители, и как работники, и как члены общества, и вообще как граждане. Ты укрепил нашу семью радостью материнства и отцовства, обогатил наши семейные отношения высочайшим долгом перед Родиной. И почему многие думают, что воспитываются только дети, тогда как сами дети становятся наилучшими наставниками своих воспитателей?

Во-вторых, мы считаем, что родители обязаны отдавать отчет своим сыновьям и дочерям, ставшим полноправными гражданами страны, о том, как они воспитывали их, какие воспитательные цели ставили перед собой, какой идеал человека хотели воплотить в них. Они обязаны говорить им правду: как и с какой ответственностью стремились выполнить свой долг - долг родителей - перед обществом и перед ними самими, теперь уже полноправными членами этого общества. Кто-то из родителей может запротестовать: мы родили, воспитали ребенка, а теперь и отчитываться перед ним? Да, наши дети имеют на это право, и мы обязаны говорить им правду, объясняя, чего не успели, не смогли, не додумались дать им в свое время. Такое откровение, я убежден, станет основой для углубления взаимоотношений и взаимопонимания между родителями и их взрослыми детьми, поможет и нашим детям осознать себя как будущих родителей. Вот какие мотивы побуждают меня взглянуть на путь в шестнадцать лет, пройденный нами.

ОТ ПЕРВОЙ БЕСПЕЧНОЙ УЛЫБКИ ДО ПЕРВЫХ СЛЕЗ СОЖАЛЕНИЯ

Ожидание было мучительным. Мы волновались за жизнь матери, и на это было предостаточно причин - анализ крови, кардиограмма. Тем не менее, оберегая маму, мы заботились и о твоём будущем.

Что говорить, родители хотят иметь умного, способного, а еще лучше - талантливую ребенка. И вот будущая мама где-то вычитала научнообразную сказку о якобы проведенных кем-то опытах, доказывающих следующее:

если мать в период беременности начнет увлекаться, допустим, музыкой, или, скажем, математикой, то родится ребенок с определенными способностями к музыке или математике, или же и к тому и к другому.

В нашей маленькой квартире в течение, многих месяцев непрерывно звучали величественные мелодии Баха, Моцарта, Бетховена, Листа, Шопена, Чайковского, Палиашвили. Мама очень хотела, чтобы ее будущей ребенок был наделен музыкальными способностями.

Я не знаю, насколько это повлияло на твоё стремление к музыке, так как со временем ты, учаь музыке, проявил довольно скудные музыкальные способности. Зато эти месячники классической музыки оказались высшей школой музыкального образования для меня: я,

доселе не разбирающийся в музыке, вдруг начал проникать в глубины ее гармонии, вместе с мамой посещать концертные залы. Я "пристрастился к классической музыке. Музыка в нашем доме не стихает и по сей день.

В ожидании твоего появления мать решила еще и на другое: получив отпуск, она засела за одну научную работу. И так как мы с мамой коллеги, научные проблемы мы обсуждали вместе, спорили, обобщали.

Вся эта затея опять-таки служила главным образом твоему будущему: пусть родится сын со склонностью к научной деятельности. Я пока еще не обнаруживаю прямой связи между научными пристрастиями в семье до твоего рождения и теми способностями, которые ты проявляешь. Правда, ты увлекся литературой и недавно начал писать рассказы. Но чтобы стать ученым, нужно особое умение. Может, оно у тебя появится в будущем, но до сих пор я в тебе его не замечал.

Наукообразная сказка помогла нам насыщать духовной жизнью ту семейную атмосферу, в которой ты должен был появиться. Мы проветрили, очистили ее от редких проявлений нервозности, грубости, раздражающего шума и заполнили чуткостью и любовью. Нам не терпелось начать твое воспитание; мы захотели приступить к нему еще до твоего рождения, и в конечном счете оказалось, что это мы готовили сами себя для того, чтобы стать твоими родителями.

Твое рождение одновременно было рождением мамы и папы, матери и отца. Да, я родился вместе с тобой:

ты - как ребенок, я - как папа.

«Я папа, я родитель, я отец!..» В тот февральский день я со всей серьезностью удивлялся тому, что ни по радио, ни в газетах не сообщали никаких вестей о твоём рождении.

Смешно, правда?

Хоть я и готовился к твоему появлению, ты тем не менее потряс меня. Как тебе описать, как тебе дать понять, какие чувства кипели во мне, в новорожденном папе? Я возвысился, возмужал, вдруг я вообразил, что мне поручена судьба чуть ли не всей нашей планеты.

Я сразу стал куда серьезнее, чем и удивил моих друзей и товарищей. Нет, чувства новорожденного папы неопишутемы - просто настанет время, когда и ты переживешь то же самое.

Постепенно я начинал осознавать свое новое, изменившееся общественное положение.

Что значит быть папой? Мало сказать, что папой не бывают, не имея собственного ребенка, что он содержит семью, помогает маме в воспитании детей. Папа-не тот человек, который, возвращаясь домой пьяным, приносит из магазина конфеты: «Вот тебе, сынок, проявление моей чуткости!» Папа - не тот человек, который, заботливо держа в руках завернутого в пеленки младенца, окутывает его густым дымом сигареты. Папа - не тот человек, который гоняется за своим сыном с ремнем, дабы совершить свою воспитательную миссию.

Звание папы следует осмыслить не столько с позиции ребенка, ибо ребенок не всегда будет ребенком, а папа навсегда останется отцом.

Ребенок будет расти, и в один прекрасный день он обнаружит, что вчерашний его папа, которого он так страстно любил, избивает маму, на работе его называют лодырем, он пьяница- преступник. Кем же после этого он станет для своего вчерашнего ребенка и сегодняшнего юноши? И какое это будет несчастье, если юноша или девушка станут стыдиться своего отца, отвергать его!

Какой же он - настоящий папа?

Современного и настоящего папу я созерцаю у мартеновской печи обливающимся потом и одерживающим победу над металлом, он стоит на коленях перед виноградной лозой, заботливо очищая ее от сорняков, он сеятель и жнец на наших полях, он матрос танкера дальнего плавания, водитель электричек в метро и космонавт кораблей космоса, открыватель тайн природы и строитель мостов, магистралей и новых городов, он поэт, артист, трибун, он сокол мирного неба и гроза врагов мира.

Настоящий папа - это общественная личность, охваченная содержательной и преобразующей деятельностью, он Данко, освещающий тьму своим горящим сердцем, он Прометей, похитивший у богов огонь для людей.

И конечно же, настоящий папа - тот, кто, широко раскинув руки, бежит навстречу своему ребенку, бросающемуся в его объятия с оглушительными и радостными возгласами: «Папа пришел!» Папа всегда проявляет нежность к жене, любовь и уважение к родителям, несет в дом радость, любовь и заботу. Он держит в своей правой руке правую руку сына с молотком, в левой - левую руку с гвоздем: так вместе они забивают гвоздь в доску, мастера скамейку для садика. Он хмурит брови и огорчается при дерзкой шалости ребенка, а в другой раз упрасивает маму снять или облегчить наказание; «Он больше не будет!»

Я убежден, что с воспитанием своих детей успешно могут справиться только такие папы (и, разумеется, такие же мамы). Мы обязаны, мы должны дать моральное право нашим детям гордиться, даже хвастаться своими папами и мамами, ведь мы знаем, как им этого хочется. Папа, одержимый общественно ценной, созидательной и преобразующей деятельностью, остается папой для своих детей на всю жизнь. Он не перестает воспитывать и напутствовать их даже после своей смерти, в тех случаях, когда дети знакомятся со своим погибшим отцом по фотографиям.

Мне так и хочется крикнуть: «Папы, берегите свою честь, ибо это самое ценное наследство, какое мы можем оставить нашим детям!..»

Нарисовав себе такой образ папы, я повседневно старался уподобляться ему, я шлифовал себя, я спешил успеть это до того, как ты смог бы осознать своего отца как борца, как члена нашего общества. Я должен был сотворить себя настоящим папой для тебя. Чего греха таить, я мечтал стать для тебя другом, достойным подражания!

Как тебя назвать? Думаешь, это было просто? Конечно, есть специальные справочники, в которые

занесены тысячи имен, распространенных в мире. Можно

выбрать, что душе угодно. Но нет.

Я не сомневаюсь в том, что ни один человек из четырехмиллиардного населения нашей планеты не носит имя, которое не было бы выбрано его родителями специально для него.

Однако следует оговориться: наши родители назвали нас тем или иным именем, исходя из разных мотивов и соображений. Среди них были и есть такие, как сохранение родовых имен в память о предках, в честь того или иного деятеля или близкого человека.

Эти традиции очень хороши и достойны того, чтобы их сохраняли и впредь. Так разве не достоин похвалы поступок родителей, назвавших своих детей именем Леван в честь того заботливого и талантливого врача, который разработанным им способом оперирования сразу же после рождения исцелил от врожденного пока сердца более двухсот мальчиков (и столько же девочек) и тем самым спас их от неминуемой гибели!

Наши родители выбирали для нас самое красивое, самое модное, самое подходящее, самое распространенное или же, наоборот, самое редкое имя. И вот живем мы с этими именами, может быть, теперь вовсе не модными, вовсе не редкими и вовсе не красивыми. Но мы привыкли к своим именам, мы уже вступили в широкое общение и широкие связи с

людьми, которые нас знают по этим именам. Нельзя же упрекать наших пап и мам за то, что они так старались украсить нас достойным по их представлениям именем!

Вся беда в том, что мы, родители, не можем ждать того времени, когда ребенок вырастет и сам выберет себе имя по своему вкусу. Не можем потому, что ребенок сразу же после рождения должен войти в общественные связи, и эти связи не могут быть осуществлены, если у человека не будет своего имени.

Но случается такое, когда взрослый человек конфликтует со своим именем, пытается избавиться от него, переименовать себя, заменить паспорт. Действительно, как быть человеку, дед которого (конечно, из любви к сыну, из желания украсить его достойным именем да к тому же еще из стремления ознаменовать свою эпоху), назвал его Трамваем, а отец Трамвай, побуждаемый теми же чувствами и мотивами, называет своего сына именем, отражающим его профессиональную принадлежность,- Пантографом. И ходит теперь Пантограф Трамваевич со своим именем и отчеством, конфликтуя с ними. Он боится назвать его незнакомому человеку, так как предвидит, как тот от удивления уставится на него и поинтересуется, не шутит ли Пантограф Трамваевич. В кругу знакомых и товарищей он уже привык к насмешкам.

Как после этого не выразить ему глубокого огорчения в том, что близкие люди так легкомысленно отнеслись к величайшему делу-присвоению имени. В конце концов он заменит паспорт, в котором назовет себя по-новому, но ведь в общественных кругах, где его знают, никогда не забудут его старого имени и часто будут путать с новым.

Вот такая беда.

Мы с мамой хотели назвать тебя таким именем, которое ты счел бы за честь носить. Оно не должно было мешать тебе входить в общество; люди, обращаясь к тебе, знакомясь с тобой, не должны были направлять на него особое внимание, ломать себе язык, произнося его. Оно должно было быть звучным и легким.

Но было у нас и более важное намерение, а именно:

имя твое должно было стать твоим добрым советчиком, в нем ты должен был находить постоянный зов родителей - не забывать, кто ты и ради чего ты живешь.

В родильном доме, куда меня не пропускали, я послал твоей маме следующее письмо:

«Дорогая, любимая моя!

...Теперь о том, какое имя дать нашему сынишке. Мы должны решить это сегодня - завтра, так как надо зарегистрировать мальчика и взять свидетельство о рождении. Я предлагаю три имени: Гиви - имя твоего отца, Александр- имя моего отца, и Паата. Согласен на любое из них. Решай, пожалуйста. Ты его родила, ты и назови его... Целую».

Спустя несколько минут мне принесли ответное письмо. Оно и решило проблему:

«Мой любимый!

Мы ведь *уже* много раз говорили об этом. Назовем его Паата. Звучит красиво, и содержание его благородное. Целую тебя...»

Почему мы выбрали именно это красивое, мелодичное сочетание нескольких звуков?

Думаю, ты понял нас еще в прошлом году, когда мы дали тебе почитать интересный роман Анны Антоновской «Великий Моурави».

Был у нас яростный враг, может быть, самый коварный и злой из всех врагов - Шах-Аббас. В Грузии тогда царствовала междоусобица, и вражда феодалов друг с другом, заставила Великого Моурави, героя-полководца Георгия Саакадзе покинуть родину и искать прибежище именно у злостного врага своей родины. Шах-Аббас, жаждущий окончательно покорить Грузию, поручил великому полководцу осуществить свой замысел: дал ему большое войско и отправил против своего же народа. И чтобы тот не осмелился предать его,

в качестве заложника оставил при себе любимого сына полководца, красивого юношу Паату. Паата был посвящен в намерения отца, он знал, что Шах-Аббас, как только узнает, как обернулись дела, отрубит ему голову. Но юноша, преданный своей родине, с нетерпением ждал вести из Грузии. Узнав о приказании шаха отрубить ему голову, он был охвачен радостью: значит, отец не дал врагам затоптать родину, уничтожить и сжечь ее. Вскоре великий полководец получил шахский «подарок»- отрубленную голову своего горячо любимого сына. Это было в 1625 году. С тех пор имя Паата стало у нас символом преданности родине, своему народу, символом высокой гражданственности. Народ полюбил погибшего юношу, а имя Паата у нас переходит из поколения в поколение.

Эта легендарная история и побудила нас назвать тебя именем, которое ты носишь.

Прошу тебя, сын мой, почаще задумывайся над своим именем. Зов твоих родителей будет звучать в нем и тогда, когда нас не будет. Прислушивайся к этому зову...

В разное время мы называли тебя разными ласкательными именами. Когда тебе было полтора года, мы звали тебя Бупой: садясь на лошадку, ты любил бубнить: «Бу-па-бупа». Мы звали тебя и Бубликом: ты любил грызть бублики. Были у тебя и другие прозвища. Но Паата - твое единственное и, я надеюсь, настоящее имя.

Человек должен вживаться в свое имя, задумываться

над ним и постоянно прислушиваться к зову предков, через него ощущать теплоту и любовь своих родителей.

Так должен поступать и ты, мой друг!

Мы только что распеленали тебя, ты весь запачкан, мокрый. Ты лежишь на спине, болтая ножками и ручками. На твоём лице ярко, определенно и выразительно написано удовлетворение. И если ты смог бы тогда запомнить мое лицо, наверное, понял бы теперь, как я был удивлен.

Я уже давно привык к тому, что в природе много удивительных явлений, а разум и руки человека создают не менее удивительную действительность. Но все это удивительное во мне вызывает или познавательный интерес, или восхищение. Ибо я ни в чем не вижу чуда.

Но вот я смотрю на тебя, современного акселерата в 4200 граммов, и меня охватывает глубокое удивление. Есть единственное чудо в мире, действительно удивительное явление - младенец. Это беспомощное существо без самоотверженной заботы взрослых сразу гибнет. Но если воспитать его как следует, из него выйдет человек, способный видоизменять саму природу.

Возможно, миллионы пап и мам, в порыве своих чувств, не задумывались над тем, перед каким величайшим явлением оказались: перед ними не просто их ребенок, а самое удивительное создание природы. Нельзя не задуматься над этим. Нельзя потому, что она, природа, коварна, она не свершает чуда до конца, возлагая это на нас.

Если ребенок - чудо, то кто же тогда мы - папы и мамы? Рискну сказать: мы, миллионы пап и мам, равно как миллионы пап и мам, которые жили до нас и которые придут после нас, все мы, уполномоченные природой завершить чудо. Так пойми же это, каждая мама, каждый отец, и ты сразу почувствуешь, кто ты такой!

Кто же он - наш ребенок? Поверить Локку, что он «чистая доска», на которой можно написать все, что вздумается взрослому? Или же, может быть, предпочесть

точку зрения Руссо, гласящую, что ребенок-это воск, из которого можно вылепить человека любой формы и сути?

Этому теперь могут верить только наивные. Не был и не существовал живой Эмиль, вылепленный из воска, как нет и детей - ходячих чистых досок. Будь это так, без труда придали бы мы миллионам мальчиков и девочек нужную форму, воспитание не стало бы для нас особой проблемой.

Ребенок не аморфная масса, а существо, таящее в себе силы, равных которым не сыскать на всей планете.

Сила извержения Этны?

Сила Ниагарского водопада?

Сила движения Земли вокруг Солнца?

Не надо перечислять: только одна сила, затаенная в ребенке, сила разума, если ее довести до совершенства, станет сверхсилой, способной преобразовывать, укрощать, подчинять себе все остальные силы.

Дремлющие в ребенке силы будут пробуждаться постепенно; сперва он начнет ощущать, затем - узнавать, а далее и одновременно - радоваться, ходить, говорить, запоминать, наблюдать, общаться, усваивать и как величественный венец всему этому - мыслить, преобразовывать и созидать.

Но суть в том и заключается, что ребенок сам, какие силы бы ни таились в нем, ничего не сможет развить в себе, не сможет встать даже на ноги, не говоря уже о возвышении до человека. Свершить чудо - сделать, воспитать, создать из него человека - дело рук самого человека и в первую очередь пап и мам...

Я смотрю на моего сына, только что распелененного, мокрого и испачканного. Он болтает ручками и ножками и весь измазался, «фу!» - говорит мама и боится дотронуться до него. Я отворачиваю нос. А бабуля, сияя от блаженства, берет его на руки и нежно опускает в ванночку с теплой водой. Она уже приступает к воспитанию внука.

Какое там «фу», я засучиваю рукава и тоже приступаю к воспитанию, мама включается тоже - стелит постель, а затем садится в кресло и готовится накормить своего первенца...

Мягко сказано - готовится.

Ты пил когда-нибудь молоко, смешанное с кровью? Не удивляйся, не торопись отрицать.

Мать готовится - она стискивает зубы, глаза наполнены слезами, дрожащими руками она достает грудь, сосок которой как бы рассечен ножом, из раны выступает кровь.

Маленький акселерат, только что наслаждавшийся в теплой ванночке, завернутый в чистые пеленки, теперь начинает пищать - он голоден как волчонок, ему надо есть, ему надо прибавлять в весе каждый день, он повышает голос и сразу, как только вцепится в сосок умолкает. И вскоре из надутого рта начинает сочиться красновато-желтая жидкость. Мама стонет, кусает себе губы, из ее глаз теперь уже потоком льются на твое личико слезы. Но руки ее как будто приобрели сознательную и самостоятельную жизнь, бережно тебя качают и оттирают твое, мокрое от ее слез, лицо.

Ты насытился и заснул. Руки укладывают тебя в постель.

Ты чуть потягиваешься. На твоих губах, как бы изнутри, появляется удивительно мягкая, удивительно нежная первобытная улыбка. Она играет в течение секунды-двух, а затем опять возвращается вовнутрь и исчезает. Как будто она у тебя единственная и ты ее бережешь.

Об этой улыбке науке известно очень немногое. Утверждают только, что она, эта первая улыбка, так неожиданно и беспричинно озаряющая лицо младенца, тоже унаследована от природы, от матери.

Во что она нас посвящает? А что если она намекает, как строить воспитание? Загадка. Я лично принимаю ее как символ права детей радоваться жизни.

Может быть, ты живешь вне времени? Может быть, вокруг тебя создано особое, неизвестное нам доселе время и пространство? За несколько месяцев, за три-четыре года ты совершаешь титанический марафонский бег. Каждый день, каждая минута и секунда, действующие в твоём поле развития, сулят удивительные изменения и новообразования.

Так прессуется время только на киноленте, только во сне, только в воображении: секунды равняются часам, минуты - дням, часы - месяцам, а дни - годам.

Однако моя фантазия, чувствую, подводит меня; эти первые месяцы, первые три-четыре года развития ребенка в действительности равны миллионам лет развития человечества. Я ведь, глядя на своего сына, становлюсь свидетелем удивительного явления, дошедшего до меня из-за тысячи горизонтов времени. Я свидетель того, с какой гармонией природа-мать заложила в первые три-четыре года жизни ребенка суть своих кропотливых созидательных стараний за миллионы лет бесконечного времени, суть самой себя.

Можно ли переставать восхищаться этим зрелищем, сколько бы миллионов раз ни повторялось оно перед нашим взором!

Я как часть природы, ее суть, ее венец, я как папа, как мама, как человек среди подобных мне людей, спешу стать соучастником природы - созидать Человека, превосходящего меня и предназначенного людям.

В тебе пробуждаются силы.

Так же начинает пробуждаться вулкан.

Вокруг тебя все начинает сотрясаться, как вокруг вулкана.

Ты начинаешь извергать свои силы, как вулкан.

Люди боятся землетрясения, извержения вулкана.

Папы и мамы тоже боятся, когда их ребенок начинает извергать свои силы.

Из многих квартир можно услышать несуразные вопли разболтанной педагогики: «Нельзя... нельзя... не трогай... угомонись... уймись... не бросай... не ломай... вылезай немедленно... угомонись... ой!»

Тысячи детей в тысячах квартир как бы сговорились между собой: они одновременно могут зацепиться за скатерти, накрытые в честь гостей, потянуть их за собой, и в доме раздастся такой грохот, что соседи этажом ниже

с ужасом схватятся за головы. Мамы придут в отчаяние, папы раскроют ладони правой руки, готовясь свершить правосудие, бабушки и дедушки мигом встанут на защиту своих внуков. А те в это время могут ликовать, торжествовать, хохотать до упаду.

«В ребенке злое начало», -п оспешат прокомментировать некоторые.

«Надо заглушать это начало», - поспешат посоветовать другие.

Я не могу представить себе, что случилось бы с вулканом, если бы люди закупорили его кратер и лавина не смогла бы извергаться из него. Но я вполне отчетливо могу предвидеть, основываясь на научных знаниях, что может произойти с ребенком, если папы и мамы будут воспитывать его, предварительно завязав ему руки и ноги. Силы, стремящиеся к извержению, приглушатся, затупеют, бессильными станут не только руки и ноги, но и ум. Развяжи года через два воспитанного таким образом ребенка - и ему, возможно, никогда не вздумается кубарем скатиться с горы или усовершенствовать станок.

Какое там злое начало! Ребенок стремится, сам этого не понимая, развивать свои возможности, умения, способности, которыми так щедро наделила его природа.

Он ищет среду, заполненную трудностями. Он чувствует: ему необходимы трудности, именно трудности. Он неугомнен. И вдруг...

Он кладет игрушку в рот. «Брось, тьфу-тьфу!»

Он лезет под кровать. «Вылезай!»

Он поднимается на диван, чтобы, спрыгнуть с него. «Не смей!»

Он пытается опрокинуть стол. «Не смей!»

Он бегает по комнатам, ведя за собой игрушечный паровоз и пыхтя, как паровоз. «Хватит!»

Пытается разобрать заводную игрушку. «Нельзя!»

Задаёт вопрос за вопросом: «Почему? Кто? Что?» - «Замолчи!»

Как быть с бабочкой? Может быть, оторвать ей красивые крылышки, чтобы она не утомляла себя своими полетами от цветочка к цветочку и не портила эти цветы?

Меня пугает и индифферентность некоторых пап и мам, разрешающих ребенку делать все, что ему вздумается. «Пусть!»

Ребенок рвет красочно оформленную книгу. «Пусть!»

Ломает красивую вазочку. «Пусть!»

Отрывает голову кукле. «Пусть!»

Дергает маму за волосы и визжит. «Пусть!»

И воспитываются дети в очень многих семьях под давлением всезапрещающей императивности взрослых или всеразрешающей хаотической дозволенности.

«Дети оказались в империализме взрослых. Надо их спасти!» - негодуют некоторые теоретики Запада и призывают к священным крестовым походам за освобождение детей. Да, империализм надо ломать и низвергать. Но нужно остерегаться и того, чтобы взрослые не оказались под диктатурой детей. Диктатура взрослых, царящая во всезапрещающем волевом воспитании, или диктатура детей, расцветающая во всеразрешающем хаосе, несут одинаково горькие плоды - будущую искаленную судьбу ребенка. Тут нельзя искать золотую середину. Между императивным и вседозволяющим воспитанием середины нет. Есть только единственно правильный подход к воспитанию - гуманистический. Гуманизм пронизывает весь уклад жизни самого прогрессивного общества, им пронизана и суть воспитания в этом обществе.

Зачем ребенку трудности?

Как зачем? Чтобы преодолевать их.

Зачем же создавать себе трудности, а затем преодолевать их? Нельзя ли без них?

Нет, нельзя. Трудности в физическом, умственном, нравственном развитии ребенка - это ступени, преодолевая которые, он поднимается на пьедестал человечности. Ребенок чувствует: ему необходимо укреплять свои силы и задатки именно в преодолении трудностей. А нам необходимо готовить ему эти ступени, каждая из которых будет побуждать к деятельности его физические и духовные задатки.

Я расстилаю ковер, и мы с сыном садимся на него.

Я выбираю цветную пластмассовую, игрушку и кладу ее на ковер подальше от него. Он без особого труда подползает к ней, миглом овладевает ею и - тут же берет в рот. Затем забрасывает ее под кровать.

Я беру другую игрушку и кладу ее еще дальше, чтобы труднее было до нее добраться. Но расстояние оказалось слишком уж большим, и у него, возможно, пропал бы всякий интерес к игрушке, не придвинь я ее чуть ближе. Он возобновляет наступление, а я измеряю расстояние от первоначального его места на ковре до игрушки. Это «зона ближайшего развития» в ползании за овладение игрушкой. Завтра - послезавтра я постепенно буду отодвигать игрушку все дальше и дальше...

...Сын подрастает- ему полтора года. На том же - ковре мы боремся. Он любит борьбу с отцом. Потеет, пытит, но не отступает. Я чувствую, как напрягаются его мышцы, заставляю крутиться, падать, может быть, причиняю даже боль. Он ликует, он победил, но ценой каких усилий, знаю только я. Завтра - послезавтра я усложню его путь к победе. Он огорчается, когда я падаю сразу. Нет, он не хочет, чтобы победа досталась ему без труда, без усилий...

«Ну, прыгай, прыгай же, не бойся!» Он стоит на диване. С маленького стульчика он уже прыгает свободно, но прыгнуть с дивана пока не осмеливается. «Прыгай же, не бойся!» Он спрыгнул и упал. «Ничего, ничего. Давай еще!» Он опять падает, но радуется. Рекорд повторяется. Надо увеличить высоту... А может быть, дать ему попробовать завтра - послезавтра спрыгнуть со стола?..

«Давай побежим, кто быстрее!» Парк большой. Места хватает. Мы бежим, то я обгоняю его, то он меня, попеременно. Вижу, он устал. Мы падаем на травку и начинаем кувыркаться. Завтра - послезавтра надо будет усилить темп и удлинить расстояние.

«Не хочешь залезть на дерево?» Ему пять лет. Он пробует. Не получается. Я помогаю. Каждый раз, как Только проходим в парке мимо того дерева, он пробует забраться на него. Победа!

У нас поход в ущелье. Там много камней, больших и маленьких. «Давай строить башню!» Он рад. Мы тащим камни, большие и маленькие, кладем друг на друга,

кладем аккуратно, чтобы четырехугольная башня не развалилась. Устали. Надо пообедать. В другой, в третий раз возвращаемся туда же достроить башню. На вершине устанавливаем флажок. Высока и красива наша башня, она нравится всем, кто проходит мимо.

Очень сожалею, сын мой, что мы из-за нашей безалаберности потеряли одну интересную детскую книжку, которая так сильно повлияла на тебя. Я не помню автора и названия книги, зато помню ее героя, подружившегося и породнившегося с тобой. Он сходил со страниц книги, играл :. тобой, вы вместе устраивали в квартире ералаш или же помогали маме, бабушке полить цветы, переставить стул, принести корзину, достать стакан.

Этот чешский мальчуган, этот Гонзик, не давал тебе покоя.

Мы сидели за обед. Ты звал Гонзика. Бабушка раскрывала книгу с чудесными, захватывающими, смешными похождениями забавного шалуна. Они были все в красочных картинках. Бабушка начинала читать тебе подписи под картинками, ты смеялся, радовался, слушал внимательно.

Гонзик тоже сидел за обедом.

«Видишь, как он аккуратно ест?»- говорит бабушка.- Ешь и ты аккуратно. Давай покажем Гонзику, как мы раскрываем рот, жуем...»

Да, надо показать Гонзику, что мы тоже умеем сидеть за столом, благодарить за обед.

«Видишь, как твой Гонзик умывается!» - продолжает бабушка.- Смотри в зеркало, на кого ты похож. Давай умоемся, а то Гонзик обидится».

Да, нельзя обижать Гонзика, надо умываться.

«Смотри, какой он вежливый, будь таким!»

Надо поблагодарить за обед так же, как Гонзик.

Но Гонзик ведь был и пиратом, он завладел необитаемым островом.

Ты из стульев устраиваешь в квартире корабль и тоже завладеваешь островом: прыгаешь с корабля и лезешь на кровать - это и есть необитаемый остров.

Хотя тебе объясняют, что забираться на застеленную кровать нельзя, это тебе уже непонятно: ведь Гонзик тоже забрался на кровать!..

Бабушка привела тебя из парка, ты промок до ниточки. Осень. Холодно.

В чем дело? Разве дождь на улице?

«Объясните вашему сыну, что он Паата, а не Гонзик... Нельзя же делать все, как Гонзик... Он взял и прыгнул в бассейн, как Гонзик!»

Тебе холодно, и ты жалеешь, что прыгнул в бассейн, обещаешь, что больше не будешь.

А когда наступает ночь и пора ложиться, ты начинаешь протестовать.

«Но Гонзик ведь тоже ложится в это время!» Железная логика. Ты ложишься и укрываешься, как Гонзик, и зовешь к себе Гонзика. Ты забираешь книгу под одеяло и скоро засыпаешь. Жизнь продолжается и во сне, и поэтому в другой комнате до нас доходит твой отчетливый тихий голос: «Гонзик... Любимый... Я люблю тебя, Гонзик!»

Потому мама и назвала тебя Гонзиком, и ты долго играл в Гонзика: был умным и глупым, как Гонзик, добрым и озорным, как Гонзик, вежливым и диким, как Гонзик.

Наверное, все экземпляры книг о Гонзике давно уже протерлись, тысячи детей десятки тысяч раз переиграли своего героя, сдружились с ним.

Нет таких книг в магазинах? Трудно их достать? Поищите хорошенько, папы и мамы, обойдите все книжные магазины, и букинистические тоже, а то ваши дети обеднеют без хороших книг с героями-озорниками!

Как я мог представить, что эта маленькая куколка для самодеятельного кукольного театра внесет в твою детскую жизнь столько радости? Как я мог предвидеть, что она станет нашим добрым союзником в твоём воспитании!

Я ее купил случайно, не думая о том, что она может куда успешнее и внушительнее воздействовать на тебя в некоторых исключительных случаях, чем наши, пусть даже хоровые, наставления.

Если бы я все это мог предвидеть, то, не затруднив себя хождением по магазинам, взял бы кусок дерева, вырезал бы из него веселое личико с длинным носом, с помощью красок сделал бы его более веселым, затем, сшив и приклеив обычную красную рубашонку, надел бы на правую руку и приступил к воспитанию.

Я принес купленного Буратино домой, и под вечер, когда тебя начали кормить кашей, решил устроить тебе необычное представление. Тогда тебе было два с лишним года.

Надев на правую руку рубашку, я сунул указательный палец в отверстие шейки, большой и средний пальцы - в рукава, залез под стол и начал импровизировать содержание первого акта первого в своей жизни спектакля собственной постановки.

А. в это время за столом происходило следующее. Ты начал выкидывать свои обычные номера, размахивая кулаками и отвергая пищу. И конечно же, как часто случалось в таких напряженных ситуациях, сунул руку в глубокую тарелку с кашей. Она тебе показалась очень горячей и ты, стало быть, собирался заорать что было мочи, измазав одновременно лицо бабули, а бабуля приготовилась принять ответные меры, промыв тебя теплой струёй наставлений. На этом все и застыло.

Откуда бабуле было знать, что папа сидит под столом, обдумывая свой спектакль. А ты и не представлял, что папа дома.

Из-под другого конца стола неожиданно вылез Буратино, весело сияя, в своей красной рубашке, и заговорил тонким голоском:

- Мальчик, как тебя зовут?

Бабуля забыла о своем измазанном лице и о своих воспитательных намерениях. Ты забыл о том, что тебе следовало заорать. Оба изумленно уставились на необычное зрелище.

- Как тебя зовут, мальчик? - продолжал тонкий голосок. Буратино, подпрыгивая и пританцовывая, весело махал руками.

Зрители очнулись от первого изумления. Разумеется, на секунду раньше пришла в себя бабуля.

- Ну, отвечай, он к тебе, наверное, пришел!

- Паата! - Все твоё изумление теперь зазвучало в твоём голосе.

- Я Буратино. Повтори, пожалуйста, мое имя! Пришлось поупражняться несколько раз в произнесении этого сложного имени.

- Ты хочешь дружить со мной? Ты кивнул головой.

- А ты отвечай голосом. Скажи так: рад с тобой дружить, Буратино!

Ты повторяешь. Буратино медленно, танцующей походкой движется к тебе, напевая одновременно песенку.

- Дай пожать руку! - Его короткая рука протянулась навстречу твоей, но, увидев, что она вся измазана, отдернулась назад. - Пожалуйста, прошу тебя, помой руки, а то я боюсь испачкаться твоей кашей!

Ты протягиваешь руку бабуле. Она уже успела вытереть себе лицо, а теперь принялась чистить твои руки. Ты не спускаешь глаз с Буратино. Происходит рукопожатие.

- Ты обидел бабулю? Извинись, пожалуйста!.. А теперь ешь. Вкусно, правда?.. Ты хочешь, чтобы я приходил к тебе?.. Только если ты не будешь обижать меня... Кончил кашу?.. Поблагодари, пожалуйста, бабулю!..

Мама, почуяв необычное, тоже включилась в действие, начала объяснять Буратино, что Паата умный и сдержанный мальчик. Буратино рад этому. Попрошавшись с тобой пожатием руки, Буратино отдаляется от тебя, двигаясь вдоль стола. Ты тревожишься.

- Буратино! - кричишь ему вслед, - приходи еще!

Вскоре «приходит» папа, и ты с помощью мамы и бабули объясняешь ему, какой к тебе приходил человек.

Папа задумывается. Он серьезно начинает обдумывать сценарий, способ выступления, содержание общения.

Буратино появляется один-два раза в день, в заранее назначенное время, иногда совершенно неожиданно, когда возникает особо напряженная ситуация. Его появление восстанавливает атмосферу взаимоуважения, разряжает обстановку возникновения конфликтов.

К приходу Буратино ты готовишься, как к празднику. Он может сесть тебе на плечо, на голову, ущипнуть за щеку, подать ложку. Он несет тебе конфету, печенье, он

говорит с тобой обо всем, что тебя интересует. Рассказывает сказки, учит стихам, приучает тебя к вежливости, требует быть сдержанным. Он всегда знает о твоих каждодневных поступках, радуется твоим добрым делам, огорчается твоим дерзостям. Полон надежд, что ты умный и хороший. Буратино может убаюкивать тебя, и хотя колыбельная в его исполнении звучит не так уж мелодично, ты все же засыпаешь.

Я готов поклясться, я уверен, что ни один воспитатель не смог бы так сильно повлиять на нравственно-этическое и умственное развитие моего Пааты, как его общение с Буратино, продолжавшееся всего восемь-десять месяцев.

По-моему плану Буратино должен был насовсем попрощаться с тобой и уехать далеко-далеко, как только мы обнаружили бы, что его влияние на тебя начинает слабеть. Но произошла досадная ошибка.

Вернувшись однажды с работы домой, мы с мамой застали тебя сидящим на диване и льющим горькие слезы. Перед тобой лежал неподвижный Буратино. Ты его нашел в самом потайном уголке шкафа, куда мы прятали его от тебя, надеясь, что ты никогда не проникнешь туда. Однако ты залез в шкаф, перерыл все и вдруг наткнулся на Буратино.

- Буратино! - закричал ты радостно. Ты думал, что, увидев тебя, Буратино сразу подскочит, запоет своим тонким голоском, залезет тебе на плечо, начнет шептать

сказку.

- Буратино, встань... Буратино, ты спишь? - Ты горько заплакал: - Буратино не хочет со мной разговаривать. Буратино не хочет проснуться!..

Мы, конечно, могли мигом воскресить Буратино. Но было ясно: он уже никогда не смог бы стать твоим воспитателем. Ты начал бы сдирать его с руки, и он, этот человечек, создавший тебе особый, сказочный мир, превратился бы в жалкую игрушку. Поэтому мы уложили его в коробку и сказали тебе:

- Да, Буратино больше не проснется!.. Хотя это не совсем правда. Буратино проснулся для тебя уже на всю жизнь, когда тебе принесли в подарок книгу о Буратино.

Ты становишься озорником, неуловимым, неудержимым. С тебя нельзя сводить глаз.

Бабуля разыскивает тебя через каждые 2-3 минуты: ты можешь одновременно быть и в шкафу, и во дворе, и на столе, и под столом. От тебя несколько раз спасали старинную швейную машину системы «Зингер», которой так дорожит бабуля, ты сбросил с высокой подставки вазу с цветами, и если бы не наш с мамой уговор, был бы ею крепко отшлепан за это; ты опрокинул огромный таз, наполненный виноградным соком, и он полился на нижний этаж; и если бы опять не наш уговор, за этим последовало бы нравоучение папы.

Ты жил бурной жизнью мальчика, рос таким, о каком пишет английский писатель Алан Бек:

«Мальчик - это правда с грязным лицом, красота с порезанным пальцем, мудрость с вареньем в волосах и надежда будущего с лягушкой в кармане.

Когда вы хотите, чтобы он произвел хорошее впечатление, его мозги превращаются в желе, или же он становится дикарем, садистом из джунглей, стремящимся уничтожить весь мир и себя вместе с ним...

Мамы любят их, маленькие девочки ненавидят, взрослые игнорируют, а небеса защищают».

Неужели педагогика в конце концов не обнаружит надежный метод, применив который, станет возможным довести до твоего понимания и до понимания миллионов мальчишек, тебе подобных, как опасно делать глупости на каждом шагу?

Жизнь на волоске - вот такая жизнь у мальчиков.

Ты шарришь в ящиках, слышишь мамин голос: «Что ты там делаешь?»- «Ничего!» Ты достаешь ножницы. «Что ты там ищешь?»- «Ничего!» Идешь с ножницами сперва к аквариуму и пугаешь ими рыбок. «Что ты там стучишь?» - «Ничего!» Затем суешь ножницы в штепсель, раздается страшное «ткац», выключается электричество, в квартире становится темно. Мама вскрикивает и бежит к тебе, задевая по дороге стулья и с грохотом отбрасывая их, у бабули сердце уходит в пятки, она начинает кричать, бегут соседи. Кто-то смог включить электричество. Ты, весь синий, валяешься на полу, приходишь в себя, жжет руку, начинаешь плакать, а мама теряет сознание...

Соседка ведет тебя в школу (ты уже начал ходить в подготовительный класс) вместе со своей дочуркой. Надо пересечь узкую улочку. Соседка держит тебя за руку. Но вдруг, увидев на другой стороне своего товарища, ты вырываешь руку и с радостным криком перебегаешь улицу. Надо же было: тут же из-за угла неожиданно вынырнула машина. Раздаются крики прохожих. Слышится страшное шипение внезапно заторможенной машины. Выскакивает водитель и бросается к тебе. Ты лежишь на спине, ноги врозь, правое колесо машины заторможено посреди ног, выше колен, оно задело штанишки и кожу на левой ноге...

Но тебя оберегали не только небеса.

Дядя пригласил нас к себе показать реку Алазани. Она небольшая, но быстрая, в некоторых местах глубокая. Мы идем вдоль реки. Мы любимся цветами, фазанами, ты собираешь камешки. «Не подходи близко к берегу, иди рядом с нами!» Эти приказы раздаются время от времени. Ты как будто подчиняешься. Но вдруг сползает край берега под твоими ногами, и через секунду быстрый поток реки захватывает тебя. Дядя сразу же бросается в воду и спасает тебя, испуганного и наглотавшегося воды.

Был и такой случай.

Раз ты взял раскрытый зонтик, который лежал на балконе, и собрался спрыгнуть со второго этажа. Для тебя зонтик был парашютом. «Стой! Не смей!» - закричала бабушка. Ты поспешил выполнить намерение, но она подроспела, вцепилась в тебя. «Глупый мальчик... Глупый ты мальчик!» - рыдала она. В то время ты увлеченно рисовал парашюты. Только на шести твоих рисунках, которые ты мне подарил и которые хранятся у меня до сих пор, я сосчитал тридцать раскрытых парашютов. Вспоминаю еще, с каким удивлением ты наблюдал в парке, где было много развлечений, за прыжками с вышки на парашюте. Было ли это причиной твоего несостоявшегося полета, прыжка со второго этажа?

Вместе с небесами тебя хранили бдительность бабушки, возгласы матери и мужской разговор отца, спасала доброта и совсем посторонних людей, незамедлительно пришедших к тебе на помощь.

Сколько у тебя жизней? Трудно сосчитать. У каждого мальчика, мне кажется, по крайней мере два-три десятка жизней. И пока нет в нашем распоряжении универсального способа внушить им, детям, быть предусмотрительными, так и хочется крикнуть во весь голос, чтобы услышали все-все: «Дорогие взрослые, нет чужих детей, все дети наши! Пожалуйста, заботьтесь о них, спасайте от возможных прискорбных последствий их шалостей!»

Во дворе много детей. Ты тоже рвешься во двор поиграть. Но там старшие мальчики отняли у тебя велосипед и не дают покататься. Ты начинаешь орать, возвращаешься домой, жалуешься:

- Все они плохие... я не хочу играть с ними! Что нам делать? Отнять у мальчишек велосипед и вернуть тебе, а им пригрозить, чтобы больше не смели? Бабуля так и готова поступить, но я против.

- Чего ты орешь? Ты же мужчина!

- Они отняли мой велосипед!

- А почему ты сам не предложил им покататься на твоем велосипеде?

- Не хочу... я сам хочу кататься...

- Так, значит, виноват ты: ты сам хочешь много кататься и не хочешь поделиться с ребятами этим удовольствием. Я не могу защищать тебя такого. Если я отниму у них велосипед и верну тебе, они не захотят дружить с тобой. А дружба важнее велосипеда!..

Я предпочитал отпускать тебя во двор с такими игрушками, игра с которыми заставляла тебя знакомиться и дружить с ребятами. Конечно, неинтересно играть в мяч одному. А от мальчика, который играет один, ребята могут отвернуться, начнут дразнить его.

Я отпускаю тебя во двор с хорошим футбольным мячом и внушаю: «Мяч любит, когда его ударяют многие, за ним весело гоняться всем желающим».

Какой смысл играть в кегли одному, если никто на твою игру не будет смотреть? А если играть коллективно, соревноваться с товарищами, то вокруг играющих соберутся зрители, они станут поощрять играющих, поднимется та-

кой веселый гул, что ни одна строгая соседка не посмеет нарушить его. Я внушаю тебе: «Если тебе больше не захочется играть, не отбирай у товарищей кегли, пусть они поиграют без тебя!»

Игра с «летающими тарелками» тоже требует друзей и товарищей: ты забрасываешь свою тарелку в сторону партнера, а он отправляет в твою сторону свою. Надо поймать ее и сразу отправить обратно. От тебя требуются ловкость, быстрота.

«Не ссорься ни с кем. Играй со всеми!»

Но ссоры все же вспыхивали иногда. Порой дело доходило до драки.

И мы приучили тебя: не жди от нас защиты, мы уведем тебя, драчуна домой, и станем осуждать; возможно, за этим последует еще и наказание - лишение радости общения с товарищами на два-три дня сразу.

Знаю я вас, петушков-драчунов. Не думаю, что хотя бы одному взрослому хоть раз удалось установить истинную причину возникновения вашей драки. Обе стороны с такой страстностью будут утверждать свою правоту, что в конце концов станет понятной беспричинность драки. После драки вы без особых дипломатических переговоров возобновляете дружбу, может быть, даже более прочную, но мы, взрослые, поныне добрые соседи, вмешавшись в «разбор» дела, можем навсегда испортить свои добрые отношения.

Наш домашний суд в составе папы, мамы и бабушки обычно выносит тебе строгий наказ, соответствующий нашей морали: «Дружи со всеми, сынок, плохих детей нет, дружи со всеми!»

Ты начал ходить, а вскоре заговорил. Ты так резко перешел от детского лепета к членораздельному произношению и так ошеломил нас фейерверком применяемой тобой лексики, что мы никак не смогли вспомнить, какое первое слово ты произнес.

Я утверждаю, что первое слово, которое ты произнес, было «мама», а мама говорит, что это было «папа».

Но, наверное, ни то и ни другое, твои первые слова

скорее всего означали: «Я человек!»

Ты заговорил одновременно на двух языках: на грузинском и русском.

Как это произошло?

Я сторонник той научной точки зрения, которая считает, что ребенок наследует от предков некую способность речи. Через несколько месяцев после его рождения она начинает в нем просыпаться: ребенок впитывает в себя речь окружающих, произносит нечленораздельные, но смыслообразующие звуки, научается выражать свои требования, протест, радость с помощью отдельных слов. Одновременно в голове ребенка происходят сложнейшие «вычисления», с помощью которых весь хаотический поток речи, воспринятый им, вдруг начинает вытекать из его уст ручейком прозрачной, ясной, содержательной, эмоциональной речи.

Эти внутренние задатки речи, по моему представлению, имеют то же значение для ребенка, что и ракета-носитель третьей ступени, выводящая космический корабль на орбиту. Ребенок за самое короткое время (ибо что значит несколько месяцев в сравнении с тем скачком, который проделывает он, овладевая опытом тысяч поколений?) выходит на важнейшую орбиту своей жизни - орбиту общения.

Ребенок начинает говорить. У него своя система и направленность общения. Сперва он бесконечное множество раз спрашивает всех: «Что это?» Далее следует такое же бесконечное множество «Почему?».

Он приступает к осуществлению процесса познания действительности, однако смотрите, как мудро он это делает: он сам сокращает себе путь к овладению опытом человечества, требуя от нас, чтобы мы коротко, ясно и доступно объяснили ему, что это и почему это так, какие существуют связи между предметами и явлениями.

Разумеется, он с большой охотой прибегает и к другим путям присвоения знаний: ставит ежедневно несколько десятков беспокойных «опытов», дающих ответы на вопросы: «Смогу ли я сам?», «Как это делается», «Почему это так?», «А что, если?..» и т. д.

Но общение через говорение, познание через речь, радость и огорчение, выраженные с помощью слов, занимают все больше места в его повседневной жизни, в его очеловечении.

Прирожденная способность заговорить не имеет долгой жизни. Она вроде шелковичной бабочки, которая выползает из кокона только для того, чтобы отложить потомство, а сама погибает. Вы не задумывались над тем, с какой легкостью научается ребенок говорению на двух-трех языках, играя со сверстниками, носителями этих языков, и с какими трудностями сталкивается взрослый при изучении иностранного языка?

Что это значит?

Вот что: внутренние задатки с трудом поддаются консервации; напротив, наука располагает определенными фактами, свидетельствующими о том, что мышление, речь и другие виды деятельности человека имеют строго определенное возрастное время для своего возникновения, развития и завершения. Приостановить, отложить их развитие на потом - значит расписаться в собственном невежестве, допустить грубую педагогическую оплошность, а ребенка обречь на непоправимую отсталость.

Но ребенок может заговорить только в общении с говорящими людьми. Вся проблема и заключается в этом: как говорим мы, папы и мамы, взрослые, между собой и со своими малышами?

Если наша речь бедна, искажена, груба, если бранные слова не задерживаются на устах домашних, окружающих ребенка, он, возможно, всю свою жизнь будет страдать от своей искаженной, несовершенной, грубой речи, а возможно, от бедности мышления.

Зная все это, не могу не стать сухим дидактом:

«Папы и мамы! Не находится ли ваш младенец, ваш ребенок в окружении искаженной речевой действительности? Это очень плохо! Не находится ли он в атмосфере взаимной грубости взрослых? Это еще хуже! Сами того не подозревая, вы, возможно, задерживаете, навсегда и безвозвратно приостанавливаете речевое развитие и общение ребенка, вы искажаете его будущее! Думайте об этом!»

Эта сухая дидактика служила и нам, воспитателям Пааты.

Прирожденная способность к речи, по моему убеждению (меня подбадривают и исследования специалистов), дает возможность ребенку одновременно усвоить несколько языков. Мое убеждение не исключало и некоторой тревоги: ведь царит пока еще в педагогике классическое предостережение, что учить ребенка сразу двум языкам - это то же самое, что учить его ездить на лошади до того, как он научится ходить.

И все же мы решились. Мама и папа говорили с тобой только на грузинском языке, а бабушка - только на русском. Мы твердо придерживались своего решения, и когда ты начал говорить, мы обнаружили, что у тебя для мамы и папы возник один язык, а для бабушки - другой. Ты переключался с одного языка на другой в зависимости от того, с кем ты имел дело.

Знал ли ты тогда, что говоришь на двух языках? Конечно, нет. Ты только общался на этих языках, не имея никакого понятия о своем билингвизме.

Шли годы, и мои опасения рассеялись полностью. Ты мыслишь нормально, увлеченно читаешь грузинскую и русскую литературу и поэзию, пишешь рассказы на этих языках. В твоей речи я нахожу реальное подтверждение идеи Л. С. Выготского (чьи труды служили мне важнейшей психологической опорой в твоём воспитании) о том, что человек лучше постигает родной язык, если он владеет другими языками.

Ты заговорил на двух языках сразу. Нас радовало каждое твое новое речевое изобретение. Мы всегда старались давать тебе ясные, правильные ответы на твои «что это такое?» и «почему?». И ещё. Мы старались приучать тебя к вежливым формам обращения: учили говорить «здравствуйте», «доброе утро»-, «спокойной ночи», «пожалуйста», «если можно», «спасибо», «извините», «с радостью».

Учили всему этому в процессе общения, а не только одними требованиями и наставлениями. Ты с детства привыкал к нашей вежливости по отношению к тебе:

«Если можно, принеси, пожалуйста, стул!», «Можно попросить тебя пересесть на диван?», «Извини, пожалуйста, это случайно!», «Спасибо, дорогой, какой ты добрый!». Поощряли быть ласковым, добрым по отношению к людям, окружающим тебя.

И все-таки в твоих выражениях проскальзывала грубость, которую, видимо, ты усваивал вне дома. Но каждый раз, когда ты грубил, обижал окружающих, мы прибегали к приемам народной педагогики - заставляли тебя «прополоскать рот»,: лишали на время удовольствий общения. А как же иначе?

Недавно в одной семье я наблюдал, как двухлетний ребенок ругался, употребляя непечатные выражения, а взрослые, даже мама, в адрес которой и были направлены эти слова, безудержно смеялись. Я был возмущен. А родители меня успокаивали: «Он же не понимает, что говорит!»

Разве это оправдание? Пусть не понимает, но ведь его натура склоняется к грубости!

Какое мы, взрослые, имеем право, как мы смеем засорять речь ребенка, заставлять его природную способность к речи расходовать на тренировку в произнесении грубостей и пошлостей? Тот, кто этим занимается, должен знать: он искажает не только и, может быть, не столько речь ребенка, сколько его судьбу, так как с детства лишает его красоты и радости общения.

Я не знаю, есть ли в педагогике термин «речевое воспитание». Думаю, он мог бы носить глубокий смысл. Я лично вкладываю в него не узкометодическую, а общечеловеческую идею: воспитание в ребенке умения и потребности доставлять людям радость с помощью речи, сопереживать, сочувствовать им в беде, облегчать страдания, сеять правду и доброту. Речевое воспитание - это воспитание любви к человеку, глубокого уважения к нему. Слово может исцелить человека. Слово может убить человека.

Тебе было три годика, когда в семье поселилась новая радость: у тебя появилась сестренка, назвали ее Ниной. Возникли новые заботы.

«Пойдем, принесем молока для Нинульки!» И мы шли покупать молоко. Ты нес маленькую корзиночку с бутылками. Мы по дороге говорили, какая у нас хорошая сестренка, какая она забавная и смешная, как за ней надо ухаживать.

«Пора варить кашу для Нинульки. Помоги мне. Достань, пожалуйста, кастрюлю!» Бабушка приготовила манную кашу, а ты важно несешь тарелку с кашей сестренке.

«Давай поведем Нинульку на прогулку!» На улице ты не хотел подпускать меня к коляске, вез ее осторожно, без шалостей.

«Не шуми, пожалуйста, она только что заснула!» И мы показывали тебе, как на цыпочках надо выходить из комнаты, где растёт во сне твоя сестренка. «Поиграй с

Нинулькой, пока я занята!» На тахте ты начинал забавлять ее, смеша разными манипуляциями. Сестренка пищала и прыгала от восторга.

«Присмотри, пожалуйста, за ней, пока дома никого нет!» Ты оставался один с сестренкой на десять-пятнадцать минут, может, и дольше, а затем докладывал обо всех ее малейших проказах.

«Приведи, пожалуйста, Нинульку из детского сада!» Ты тогда «был уже в первом классе, детский сад находился рядом, и ты с радостью ходил туда за сестренкой. Ты гордился этим поручением.

Но я рассказываю не о том, как воспитывали девочку, а о том, как воспитывали в тебе заботливого, чуткого мальчика.

Мы с тобой готовили сюрпризы маме, бабушке, сестренке ко дню их рождения; порой, оставшись одни, убрали квартиру; мыли посуду, готовили обед, чтобы порадовать маму.

На тебя возлагали заботу о комнатных цветах. Мы радовались каждому новому лепестку и бутону. «Это плоды твоих забот!» - говорила бабушка. Во дворе мы посадили дерево, и ты поливал его.

Упрочить доброту, чуткость, отзывчивость в ребенке, породить в нем чувство сопереживания - дело не из легких. Среди других способов, которые мы применяли "с этой целью, был и такой, довольно распространенный. Мы им пользовались примерно в следующих формах. - Мама, ты не замечаешь, какой Паата становится добрый?»

- Да, я сама хотела сказать, вчера он так помог мне... Мама и бабушка говорят в другой комнате, тебя только что уложили, и ты должен уснуть, но суть разговора задевает тебя...

- А вы знаете, как вчера мой внук меня порадовал! - Бабушка разговаривает в парке с женщиной, сидевшей рядом с ней на скамейке. Они познакомились здесь. Ты играешь тут же и готов повторить те же доблестные поступки, которыми так она гордится.

Было ясно, как поощряли тебя такие «случайные» разговоры, без твоего участия, за «твоей спиной» - о твоих хороших делах и поступках, о твоей чуткости и отзывчивости.

Но может, в этом была доля тщеславия, может, ты немного играл в отзывчивость, доброту, хорошие поступки? Что же, неплохо, если даже в игре (пока в игре!) ты усваиваешь какие-то нормы" морали. В игре, как теперь склонны говорить, моделируется будущая социальная жизнь ребенка.

И все же мы с нетерпением ждали такого проявления твоей чуткости и сопереживания, которых нельзя было приписать игре. Чувство сопереживания - это частица твоего сердца, твоей души, твоей жизни, которую ты преподносишь человеку в дар.

Я не забуду тот прекрасный день, когда я обнаружил в тебе рождение такого чувства. Нет, не думаю, что я переоценил это событие, не смог вникнуть в его психологическую суть. Это действительно было сопереживание, чувство своей вины перед другими, чувство сожаления. Вот как оно родилось.

Стоял теплый майский день, тебе было тогда чуть больше пяти. Мы отправились в поход на близлежащие горы. Была с нами Мака, твоя двоюродная сестра, на год старше тебя. Вы бегали, собирали цветы, смеялись. И вдруг умолкли. Я увидел вас сидящими на корточках, вы что-то внимательно рассматривали. Я подошел. На стебельке полевого цветка сидел кузнечик, прозрачно-зеленый, с тоненькими длинными крылышками, с усиками. Он неожиданно раскрыл крылышки и сделал длинный скачок. Вы весело погнались за ним и опять, сидя на корточках, долго изучали его. Он, видимо, решил поиграть с вами:

скок - и вы за ним, опять скок - и опять вы за ним. Вместе с кузнечиком вы бегали по всему полю и смеялись.

Наконец, кузнечик сел на асфальтированную дорогу. Теперь мы втроем окружили его.

- Какой ты красивый... Что ты ищешь? - начала задавать ему вопросы Мака. Но кузнечик раскрыл крылышки и собрался было сделать прыжок, как ты ни с того ни с сего накрыл его ногой. Мака вскрикнула:

- Не смей!

Ты поднял ногу - и мы увидели раздавленного кузнечика.

- Зачем ты это сделал? - сказала Мака, обиженная до слез. Ты молчал.

- Да, сегодня мама уже не дожидается своего кузнечика. Она, наверное, будет горько плакать! - Я был огорчен, но не бранил тебя. - Кузнечик уже никогда не будет прыгать и шалить... И цветы напрасно будут его ждать!..

Мы поднялись и пошли дальше. Я предложил вам сесть в тени под деревом и позавтракать. И как будто все уже было позади, как ты вдруг вскочил и побежал обратно на дорогу. Ты сел на колени перед кузнечиком, лежавшим на асфальте. «Кузнечик больше не будет прыгать... Мне жаль кузнечика...» Ты рыдал. Мака успокаивала тебя, но ты не слушал ее. «Почему я раздавил кузнечика?.. Мне жалко его... Пусть он живет...»

Я еще не видел такого обилия слез, не слышал, чтобы ты когда-нибудь так плакал. Мне действительно было очень жаль кузнечика, но я радовался твоим горьким слезам, слезам сожаления. «Ничего, сынок, плачь... Может быть, именно сейчас в тебе рождается человек!»

Ты сожалел о своем поступке, ты хотел вернуть время назад, чтобы исправить свершенное. И я думаю, что только в том сердце может поселиться бескорыстное чувство сопереживания, в котором уже возникло раскаяние в своих необдуманных поступках, чувство вины, чувство ответственности.

В доме суета. Завтра первое сентября, и ты пойдешь в школу, в подготовительный класс для шестилеток. Бабушка заканчивает гладить твою рубашку и короткие штанишки, мама собирается выкупать тебя, готовит ванну. Нина не отходит от тебя и умоляет взять ее с собой в школу.

Ты важничаешь. Еще бы! Ведь в школу пойдешь ты, а не кто другой из нашего дома.

- Какое стихотворение ты расскажешь, если предложит учительница? - спрашивает мама. У тебя наготове два-три десятка стихотворений.

- А если будете рисовать, то нарисуй закат солнца. Это у тебя хорошо получается. - Бабушка уверена в этом.

А я советую тебе подружиться сразу со всеми ребятами и с первого же дня полюбить свою учительницу.

Ты уже знаком с некоторыми буквами. Можешь написать свое имя. Ты этому научился в детском саду, у своих товарищей. Возвращаясь из детского сада, ты приставал к маме или папе с просьбой научить тебя читать. Тогда я решил научить тебя способу звукового анализа слова.

Сперва я обратил твое внимание на отдельные звуки.

Скажи, пожалуйста, как шумит ветерок в листьях деревьев?- «Шшшш!..»

- А как жужжит пчела?- «Жжж...»

Затем научил медленно и растянутому проговори-ванию слов вроде «дууууб», «мммаааммааа». Иногда давал тебе задачи: я говорил предложение или слово неестественно растянуто и медленно, и ты должен был догадаться, что я сказал.

Потом я дал тебе фишки - маленькие квадратики из картона - и предложил «написать» слово: проговорить какое-нибудь слово медленно, выделить в нем последовательные звуки и для обозначения каждого из них положить фишку. Этот прием, разработанный советским

психологом Д. Б. Элькониным, помог тебе усвоить способ звукового анализа и «написания» слов. Одновременно ты научился узнавать все звуки грузинского языка.

Считать до десяти не составило для тебя большого труда. Но вот пре-одолеть так называемые феномены Пиаже ты затруднялся.

По моему заданию ты пересчитывал десять фишек и клал слева, столько же - справа. И справа, и слева фишки лежали кучками.

- Сколько здесь фишек?

- Десять.

- А здесь?

- Десять.

- Где больше фишек, тут или там?

- Нигде, они равны.

Пока все правильно. Тогда я раскладывал кучку фишек справа, фишки слева оставались в прежнем положении.

- Скажи, пожалуйста, где теперь больше фишек, здесь или там?

Ты не задумываясь отвечал:

- Здесь! - И указывал на разложенные фишки. Было достаточно собрать их опять в кучку, и ты говорил, что теперь фишки опять равны. •

А вот другой опыт. Я брал два стакана, один из них

был низким и широким, другой - тонким и высоким.

Наполнял низкий.

- Смотри, теперь я эту воду перелью в этот стакан! - переливал. Естественно, в тонком стакане вода поднималась выше.

- В каком стакане было больше воды: в широком или в этом тонком?

Опять не задумываясь, ты говорил, что воды становится больше в тонком.

Скажу еще об одном опыте.

- Вот шарик из пластилина. Смотри, из этого шарика я сделаю лепешку. Скажи, пожалуйста, когда было больше пластилина, когда он был шариком или когда он превратился в лепешку?

- Когда превратился в лепешку...

Повторение этих опытов в разных вариантах, рассмотрение результатов с разных точек зрения в конце концов привело тебя к пониманию того, что количество фишек не может меняться в зависимости от того, расположены они врозь или кучкой.

Я ценил такие задачи прежде всего потому, что они заставляли тебя мыслить, наблюдать, замечать, связывать, выделять. Развитие этого умения в ребенке, готовящемся пойти в школу, мне кажется куда важнее, чем развитие умения считать пусть даже до миллиона.

Ты встал рано утром и разбудил всех дома. Идти до школы минут пять. Но тебе не терпится. Бабушка нарядила тебя. Дала тебе букет цветов для учительницы. И мы все направились к школе. В школьном дворе много детей и родителей. Проводится митинг. Затем раздается первый звонок, и дети, оживленные, входят в школьное здание.

В школу родителей не пускают. Тыходишь в школу вместе с ребятами, большими и маленькими, вместе со своей первой учительницей.

И начинается твоя школьная жизнь. Она будет длиться две тысячи дней,
Как ты примешь школьную жизнь? Будешь «отбивать» ее или радоваться ей?

ОТ ПЕРВЫХ СЛЕЗ СОЖАЛЕНИЯ ДО ЧУВСТВА ДОЛГА

Ты будешь воспитываться в атмосфере, которая, я убежден, будет дышать будущим. Тебя будут воспитывать не только специальные воспитательные меры, которые мы будем предпринимать; главным твоим воспитателем, возможно, станет весь наш образ жизни, наши семейные, общественные отношения, наши убеждения, страсти и устремления. Они не смогут пройти мимо твоих сознательных и подсознательных сфер восприятия, они и тебя вовлекут в орбиту наших жизненных перемен, смысл нашей жизни будет окружать тебя на каждом шагу.

Мы не можем и не хотим жить двойной жизнью: отгородить тебя от действительной жизни, которая будет твориться не без нашего участия, и строить искусственную воспитательную жизнь для тебя, в которой мы будем противостоять самим себе.

Мы попытались определить систему отношений, которая могла бы стать желательной программой для воспитания твоей личности в семье. После долгих размышлений наши знания, наш опыт, наши идеалы и убеждения продиктовали нам схему, которую привожу ниже. Схема системы отношений, которые нам хотелось бы воспитать и внушить сыну:

- к людям - сопереживающее;
- к родине - преданное;
- к жизни - радостное;
- к политике - идейное;
- к труду - потребностное;
- к действительности - созидательное;
- к общему достоянию - бережливое;
- к своему долгу-ответственное;
- к самому себе - требовательное;
- к родителям и родным - заботливое;
- к товарищам - доброжелательное;
- к народам - интернациональное;
- к врагам - непримиримое.

Я определил и основные принципы жизни, которые также намеревался внушить тебе: справедливость, самостоятельность, коллегиальность, честность, убежденность, скромность, непосредственность.

Не знаю, насколько полно отражает эта схема ту систему отношений, которая складывается в нашем развивающемся обществе. Но главное, я думаю, в ней все же отражено.

Однако тут важнее еще и другое. Когда мы обдумывали эту схему как возможный ориентир твоего воспитания в семье, мы все задумались вот над чем: являемся ли мы сами, твои воспитатели, носителями такой системы отношений, придерживаемся ли мы сами в нашей повседневной жизни тех же самых принципов?

Тогда бабушка, полушутя, полусерьез, сказала нам:

- Вам придется воспитывать сына, а заодно и самих себя!

Мы приняли это со всей серьезностью.

Школьные дни радовали тебя. Изменилась жизнь, появились новые товарищи, новые заботы. Твой статус в семье стал другим - ты школьник, ты ученик, ты уже взрослый. Твой статус изменился не только формально, но и по существу: мы отдавали должное тому, что ты у нас уже школьник, и обращались с тобой как с серьезным мальчиком, имеющим свои обязанности перед обществом...

В школе праздник «нулевиков». Ты принес нам красочно оформленный пригласительный билет, в нем ты сообщал нам: «Мои любимые мама и папа! Мы закончили изучение всех букв. Теперь я могу сам читать книги и буду много читать. Приглашаю вас на наш праздник Букваря».

Праздник и правда получился на славу. Было много мам, пап, бабушек и дедушек, сестер и братьев. Ваши танцы, песни, декламация очаровывали нас, и мы аплодировали с восхищением.

Дома торжества продолжались. Все соседи узнали, что наш Паата научился читать и писать, они поздравляли и тебя, и нас. Мы с благодарностью принимали поздравления, и ты видел, ощущал, как мы гордились тем, что наш сын перешагнул первый важнейший, может быть, самый главный рубеж в познании.

Что значит уметь читать и писать? Нельзя смотреть на это величайшее открытие человечества упрощенно. Письмо и чтение придумано вовсе не для развлечения;

Оно такое же орудие борьбы человека с природой, какими были впервые укрощенный огонь, первые каменные топоры, первый деревянный плуг, первое паровое колесо, первая вспышка электрической лампочки, первый трактор, первый телевизор, первый атомный ледокол, первый, спутник Земли, первый космический корабль.

Умение владеть грамотой - это универсальное умение для постижения всех наук, оно - наука о хранении и пользовании культурой человечества, его прошлым и настоящим. Оно - крылья для человека, помогающего ему залетать в прошлое и будущее, общаться с поколениями прошлого и грядущего. Оно - глаза человека,

направленные на постижение своей души, собственного «я». Чтение - опора духовной жизни человечества, письмо-форма проявления заботы о будущих поколениях.

Современный человек, человек будущего не может жить **без** книги. Чтение в его жизни - это важнейший способ восхождения, самосовершенствования, самообразования.

Так я смотрю на умение читать и писать, потому и радовался тому, что ты овладел этим волшебным даром человеческой природы. Но владеть даром - это еще не все, надо уметь пользоваться им, надо уметь любить и ценить его. И у нас в семье возникла особая забота- приобщить тебя к чтению, к книгам, дать почувствовать радость познания через чтение, счастье общения через чтение; пристрастить тебя к книгам и дружбе с ними.

Как это сделать?

Завалить тебя многочисленными красочными книгами?

Требовать от тебя, чтобы ты в обязательном порядке читал по несколько страниц в день?

Приводить тебе недвусмысленные устрашающие примеры, к чему может привести недружелюбное отношение к книгам через годы?

Втолковывать тебе, что чтение необходимо для твоего умственного развития? Это верно - полноценное, многостороннее развитие личности невозможно без чтения духовно обогащающих книг.

Может быть, прибегнуть к рафинированным традиционным приемам вроде такого: начать читать тебе увлекательный рассказ и прекратить чтение на самом «интересном месте» с надеждой, что хоть теперь ты сам возьмешься **за** чтение?

Наша воспитательная практика не смогла опровергнуть все эти пути воспитания потребности и интереса к чтению. Мы не намеревались это сделать. Может быть, следует оправдать всякую методику, которая будет способна в какой-то степени пристрастить ребенка к чтению. Но мы предпочли воспользоваться ими лишь в той мере, в какой они могли бы стать полезными в более общей системе. А этой общей системе, этому главному методу воспитания потребности и интереса к чтению мы подчиняли семейную атмосферу чтения, атмосферу культа книги в семейной жизни.

Я убежден: ребенок легче пристрастится к чтению, если вся семья, все взрослые члены семьи проникнуты этим пристрастием, если родители постоянно разыскивают новые книги, радуются приобретению интересной книги, ведут разговор о прочитанных книгах, заботятся о скорейшем возвращении одолженных им книг, ухаживают за книгами, любят стоять у своих книжных полок и вновь возвращаться к некоторым из них, устраивают семейное чтение. Чтение должно царить в семье, и, надышавшись этой атмосферой, ребенок без особого труда, без болезненных переживаний настроится на чтение,

Почему ребенок, так безудержно стремившийся к школе, объявляя своим чуть ли не единственным мотивом учения чтение и письмо, после овладения грамотой вдруг начинает отказываться от книги? Мама и папа отчаиваются: «Ребенок не любит читать!» Принимаются принудительные меры. И порой случается, что ребенок настроивается враждебно против книги на всю жизнь.

Причина тут проста: ребенок пока еще не почувствовал вкуса к чтению, он знает буквы, но не умеет читать. Он может прочесть слова и предложения, но не умеет понять прочитанное. Озвученные буквы пока еще не обретают для него смысла.

И вот в этой общей семейной атмосфере чтения мама и папа должны найти время, чтобы посидеть со своим ребенком минут пятнадцать и в спокойной обстановке помочь ему прочесть страницу-две из детской книги, книги сказок. В спокойной, подчеркиваю я, ибо не так уж трудно потерять самообладание, слушая, как ребенок читает медленно, какие он допускает элементарные ошибки, как он неспособен понять прочитанное. И чем больше мамы и папы будут терять терпение и изливать свой гнев, тем больше оттолкнут своих детей от чтения. Нельзя учить ребенка читать, одновременно укоряя его за то, что он не может читать.

В семейной атмосфере чтения, в обстановке крайней доброжелательности мы смогли воспитать в тебе потребность к чтению. А с помощью подбора книг развили в тебе вкус к художественной литературе и разносторонние познавательные интересы к научно-популярной литературе. На это потребовались годы.

Мы радовались, когда ты предпочитал воздержаться от игрушки ради покупки интересной книги; мы радуемся, видя, с каким вниманием ты рассматриваешь книги в книжных магазинах, как осторожно их выбираешь. Ты создал себе свою библиотеку и дорожишь ею.

Люди многому радуются, и многое их огорчает. Они радуются, видя сердечного Друга, радуются, достигнув успеха, радуются своим добрым делам. Они огорчаются своим неудачам, потере друга, болезни близкого.

Книгу же может радовать только одно: когда ее читают, и огорчать тоже только одно: когда ее никто не читает.

Книга безгранична рада, когда переходит из рук в руки. Она радуется доброму отзыву о ней, о ее авторе, спору о вопросах, поднятых ею. Значит, она приносит пользу людям, помогает им в жизни, в укреплении веры, личной позиции.

Безгранична скорбь книги, если ее забывают на полке; стоит она с неразрезанными еще страницами и напрасно ждет своего читателя, который раскроет ее, прочитает внимательно, извлечет из нее сокровища мудрости, знания, опыта поколений и присвоит их. Лежит такая забытая книга на полке и медленно умирает.

Книга приобретает жизнь, когда ее читают до поздней ночи, кладут под подушку, на письменный стол; радуется, когда кладут ее в карман, достают и раскрывают в любое свободное время, читают в метро, в трамвае. Она радуется тому что, сопровождая тебя, заполняет твою духовную жизнь.

Книга огорчается, когда рассматривают ее невнимательно, оценивают поверхностно, не вникают в суть, не следуют ее добрым советам. Огорчается и тогда, когда ты не хочешь вынести из ее содержания то, ради чего она появилась на свет.

Книга радуется, когда, работая над ней, делают на полях пометки, подчеркивают карандашом строки, ища в них подтверждения или развития той или иной мысли, идеи.

Книга с болью в сердце переживает за своего необразованного хозяина и гордится образованным и начитанным владельцем.

Книга предпочитает постареть и истрепаться в чтении, чем умереть нетронутой на красивой полке, прожив много лет в ожидании своего читателя.

Книги, как преданные гвардейцы, всегда готовы бороться за победу добрых идей, бороться против тьмы и невежества.

Но вести этих гвардейцев в бой должен человек, стремящийся овладеть вершинами наук и властвовать в «царстве мысли».

Ты раскрываешь свой первый учебник - «Дэда эна» («Родная речь»). Чего ты от него ждешь? Кого ты там будешь искать? Мало сказать - ты начинаешь новую жизнь.

С раскрытием своего первого учебника ты начнешь входить в безграничный мир знаний, мир чудес. Как хорошо жить на свете, когда есть что узнавать, к чему стремиться, что делать! Как хорошо жить, когда можешь радовать людей!

А ты знаешь, кто создал твою первую книгу? Да, конечно, же. О Якове Гогешвили тебе мы многое рассказали, о нем говорили тебе и в детском саду. В Грузии его знают все. Это он, великий педагог, провел много бессонных ночей, чтобы сотворить для тебя чудо-учебник, который приобщит тебя к радости познания, зажжет в тебе любовь к родному языку и к учению.

«Дэда эна» выведет тебя на большую светлую дорогу. Ты проникнешь в глубины прошлого, познаешь сегодняшний день, шагнешь в наше прекрасное завтра.

Мы, взрослые, листая страницы «Дэда эна», всегда восхищаемся теми «тропинками», по которым великий педагог вот уже на протяжении века водит поколения юных в царстве мысли, восхищаемся тем богатством красок природы и человеческих отношений, которое ты будешь познавать.

По этим тропинкам ты пройдешь через леса, реки, поля и горы твоей родины. Ты увидишь, как трудятся люди, строя новые дома, мосты, заводы, фабрики, выращивая виноград, собирая чайный лист. И в тебе тоже зажжется искра желания стать рядом с твоими близкими и родными, с людьми труда, работать и учиться, помогать друг другу.

На этом пути ты повстречаешься с маленькой Нуцой, которая посадила своих кукол, как в школе, и учит их читать. Ты похвали ее, скажи ей доброе слово, она будет рада.

Ты увидишь Гиглу, которого солнце упрасивает бросить уроки и выйти поиграть во двор. Но он верен себе и отвергает приглашение. Значит, есть с кого брать пример!

С тобой повстречается Ваню, который мучает пойманную птицу и даже хочет убить ее. Ты возмущайся, пожалуйста, его поступком, дай волю птичке.

Ты прочтешь о злом мальчишке, который обижает маленьких. Ты защити их от него.

Где-то в поле ты увидишь отару овец и услышишь голос маленького пастуха, который ради балагурства поднял тревогу, будто его окружили волки. А когда в действительности он оказался в беде и взывал о помощи, ему не поверили. Ты, конечно, осудишь и его поступок.

Усердно следи, сынок, за страницами «Дэда эна». Это мудрый учебник, потому что великий педагог его создавал «умом и сердцем своим...».

Так я размышлял тогда, десять лет тому назад, наблюдая, как ты впервые приступил к чтению рассказов и стихотворений в своем первом учебнике.

Тебе было трудно читать, ты читал по слогам, медленно, порой не понимая смысла прочитанного слова или предложения. Это пугало тебя, и ты бывал не прочь бросить чудеса интеллектуальных походов и отдаться радостям игры. Но терпеливое требование взрослого довести дело до конца и помощь в понимании сути прочитанного, в конце концов сделали свое.

Ты нашел золотой ключик с таким же трудом, как Буратино, и вошел в мир удивительной действительности с таким же нетерпением и радостью, как Буратино.

Пока ты учился в начальных классах, занимаясь с тобой, мы больше заботились о твоём общем развитии. Ум, сердце, руки - в этом треугольнике, по нашему мнению, заключена суть общего развития, но, разумеется, этим не исчерпывались другие стороны целостности твоей личности, которые тоже находились в поле нашего воспитания.

Твои «почему» и «а что, если» удесятились после первых же школьных уроков. Мы старались удовлетворить твою любознательность, которую надо было развить дальше. Но я, право, не могу утверждать, что все наши «потому что» действительно служили стимулом возникновения следующих серий «почему».

- Почему у человека одна голова? Что мне тебе ответить?

- А что, не хватает тебе одной головы? Хочешь иметь две-три головы?

Конечно, это не ответ. И ты продолжал:

- А почему бы и нет? Когда одна голова начнет читать, другая в это время может петь, третья решать задачи! Это было бы здорово!

- Но ведь эти разные головы на одном теле будут разными людьми? Одна - радуется, другая - плачет... Ты нарисуй, пожалуйста, мальчика с несколькими головами. И наверное, каждая голова захочет иметь свои собственные руки и ноги. Интересно, что получится, если одна голова прикажет ногам пойти в школу, другая захочет забраться на дерево, а третья будет спать в это время крепким сном!

Тебя веселит такая несурезица, и ты начинаешь сам воображать более конфликтную ситуацию:

- Они могут разорвать свое тело, если одна захочет побежать вправо, другая - влево, третья захочет прыгать, а четвертая не сдвинется с места!

- А ты знаешь, в мире пока не обнаружено ни одного человека, имеющего две или больше головы. Как ты думаешь, почему?- Твое «почему» теперь рикошетом я возвращаю тебе же, и ты объясняешь мне:

- Может быть, ученые еще найдут... Но нет, не будет такого существа, двухголового, зачем ему две головы?

На этом мы исчерпали вопрос, целесообразно ли иметь несколько голов. Ты еще раз вернулся к нему, чтобы окончательно уяснить его для себя: нарисовал забавное

существо - на одном теле три головы мальчиков, шесть рук и шесть ног; руки и ноги дерутся между собой, одна голова выражает радость, другая заливается слезами, третья же показывает язык. Мы с тобой много смеялись над этой фантазмагорией...

- В школе одна девочка сказала, что существуют растения-хищники. Я ответил, что таких растений не может быть. Как может растение схватить кого-нибудь и съесть?- Ты доволен своей логикой и хочешь, чтобы я подтвердил твои доводы. - Ведь правда?

Но право, я не знаю, существуют ли в действительности такие растения. Не могу же я все знать!

- А может быть, и вправду существуют такие растения? Почему, по-твоему, они не могут существовать?

- Не могут, потому что у растений не бывает рук, чтобы что-либо схватить, и еще у них нет зубов, чтобы съесть схваченное. Не будет же растение гоняться за зайцем, чтобы схватить и съесть его?

- Ты так и доказывал своей подруге?

- Да, и она согласилась, сказала, что, наверное, ошиблась...

- Может быть, было бы лучше проверить все это? А вдруг она права?

- А как проверить?

Мы шли из школы. По дороге - детская библиотека. Мы зашли в библиотеку и объяснили доброй тете-библиотекарше, какой нас интересует вопрос.

Она предложила нам поискать ответ в Детской энциклопедии «Что такое. Кто такой». В третьем томе мы и наткнулись на «что такое»: «Растения-хищники». Стало ясно, что кто-то девочке из этого томика вычитал или рассказал о растениях, которые вправду умеют ловить и охотиться за комарами и мошками и таким образом «подкармливаются» ими.

Мы с тобой с большим интересом прочли статью о растениях-хищниках, долго рассматривали цветные рисунки этих растений.

- Как теперь быть? Ведь девочка оказалась права!- Ты молчишь.- Как ты думаешь, как бы я поступил на твоём месте?

- Завтра, когда я увижу ее в школе, скажу, что она

была права. Она еще не все знала о растениях-хищниках, я расскажу ей!

Я одобряю такое намерение.

На твои «почему» и «а что, если» ты редко получал от нас прямой ответ. Мы или направляли твои суждения, чтобы ты сам нашел ответ, или учили тебя пользоваться справочной литературой.

Мы предлагали твоему уму разные познавательные задачи: загадки, ребусы, кроссворды, занимательные примеры по языку и математике. Я искал их в методических книгах, детских журналах, придумывал сам. Из класса в класс задачи усложнялись. Вот некоторые из них.

Мы находимся в лесу. Осень. Солнце.

- Давай, измерим, каждый для себя, сколько шагов между этими деревьями. А потом скажем, у кого сколько получилось!

Ты согласен. Мы выбираем точки от и до и начинаем мерить.

- Расстояние пятнадцать шагов! Я удивлен:

- Как? У меня получилось 10!

Ты в подготовительном классе, до шести лет не хватает еще трех месяцев. И потому твой ответ не удивляет меня.

- Ты, наверное, ошибся... Вот, смотри! Ты начинаешь шагать и громко считать: Раз, два... десять... пятнадцать! Вот видишь? » Я поступаю так же:

- Раз, два, три... десять! Вот видишь? Ты задумываешься:

- Давай, измерим вместе!

Мы становимся бок о бок у дерева и начинаем одновременно шагать. Ты считаешь громко:

- Раз, два, три, четыре...

Но получается, что я оказываюсь впереди, а ты отстаешь, и когда ты сказал «десять», я уже был у второго дерева.

- Почему ты бежишь! Иди вместе со мной! Опыт повторяется еще несколько раз.

- Почему ты делаешь такие длинные шаги?

- А у меня такие шаги!

- Я понял... ты измеряешь длинными шагами, а я короткими, потому и получается такая путаница!- Ты радуешься своей догадливости...

Но какое же расстояние между этими деревьями, неужели нельзя установить? Я еще не вполне «понимаю», в чем дело. Ты объясняешь:

- Моими шагами расстояние между этими деревьями пятнадцать шагов, твоими же шагами - десять... У тебя же большие шаги, понимаешь?

- Ага, да-да, понял!- И тут же предлагаю тебе измерить то же расстояние другими мерками - палками, у которых Длина разная...

Ты знал всего шесть или семь букв, когда я предложил тебе следующего рода задачи: на листке бумаги рисовал два кружка, а в них записывал по десять-пятнадцать букв, среди которых три-четыре были тебе знакомы, остальные же еще не изучены в школе, а затем давал тебе разные задания.

«Вот тебе карандаш. Перечеркни в этих кружках все буквы, которые ты еще не знаешь». Или же: «Соедини красными линиями знакомые тебе буквы из первого кружка с теми же буквами из второго... Соедини синими линиями незнакомые тебе буквы из первого кружка с теми же буквами из второго». Тебя увлекли такие задания. Ты начинал сам разгадывать значение незнакомых тебе букв или же заставлял нас всех дома учить тебя буквам, и получилось так, что ты научился грамоте почти на полтора месяца раньше, чем это полагалось по школьной программе.

Среди сочиненных мною задач тебя и твоих товарищей особенно позабавила одна, которую вы решали в течение нескольких дней. Ты был тогда во втором классе. К тебе пришли двое одноклассников поиграть. Я тоже играл вместе с вами в настольный футбол. В доме стоял гул, какой бывает на стадионе, когда забивают гол в ворота противника. Во время перерыва я рассказал вам историю, она привлекла ваше внимание, и вы все потребовали карандаши и бумагу, чтобы заняться вычислениями.

Знаете ли вы, что, оказывается, сын может стать старше своего отца?

Такое, конечно, вы никогда не слыхали, разве что в сказках. Поэтому к моему заявлению отнеслись недоверчиво: |

---Такого не может быть никогда!

Я должен был поколебать вашу уверенность.

- Очень даже может быть. Вчера я встретился в троллейбусе со своим другом, математиком. Паата его знает. И он рассказал мне, что один ученый-математик с помощью расчетов пришел к выводу, что сын может догнать и перегнать в возрасте своих родителей. Так что могут появиться маленькие папы и взрослые сыновья.

Вы все уже заинтригованы. Я рассказываю вполне серьезно, ссылаюсь на науку и авторитет друга. Это правдоподобное введение в мою задачу насторожило вас. • Вы забыли о том, что истекло время перерыва между таймами нашей футбольной игры. Пользуясь этим, я продолжаю:

- Вот смотрите: если отцу девятнадцать лет, а сыну один год, то выходит, что отец старше своего сына в девятнадцать раз. Правда? (Вы, разумеется, согласны). Через год отцу будет двадцать лет, сыну - два года. Значит, отец теперь уже будет старше сына в десять раз, а не в девятнадцать. Тоже верно? (У вас конечно, не возникают сомнения, что это действительно так, но я замечаю, как вы удивлены.) Проходит еще год - отцу уже двадцать один год, сыну - три года. Значит, во сколько раз теперь отец будет старше своего сына? («В семь раз!» Вы уже включаетесь в вычисления!) Через пятнадцать лет сколько будет отцу? («тридцать шесть» I). А сыну («восемнадцать»). Так во сколько же раз отец будет старше сына? («В два раза!») Вы уже верите в мою задачу! Видите, как сын догоняет отца. Надо теперь высчитать, когда они станут равны по возрасту и когда сын перегонит своего отца!..

- А что сказал дядя-математик, через сколько лет это наступит?

- Он не успел рассказать историю до конца, он сошел с троллейбуса раньше!

Вы бросаетесь к карандашам и бумагам и приступаете к вычислениям. Построили длинные столбики чисел. Ясно видно, разрыв в возрасте отца и сына сокращается катастрофически, Вы начинаете путаться в своих вычислениях, пробуете начать все заново и расходитесь с намерением продолжить решение задачи дома.

Все это время я тоже вместе с вами вычислял разрыв в возрасте отца и сына, я тоже путался в цифрах и тоже выражал решимость поработать вечером.

Ты и твои товарищи были заняты вычислениями и на второй, и на третий день, вовлекли в это дело и других в классе. И разумеется, в конце концов все пришли к выводу, что надо вычислять, не во сколько раз «молодеет» отец, а на сколько он старше своего сына. Вот эта разница никак не может измениться.

Вся эта затея, по моим наблюдениям, напрягла твои умственные способности и дала тебе еще одну возможность пережить радость познания.

А когда ты был уже в третьем классе, я задал тебе очередную задачу, достаточно известную из книжек по занимательной математике. Ты, конечно, ее не знал.

- Могу поспорить, что ты не сможешь справиться с этой задачей!

Ты в это время занят рисованием.

- А какая задача? Почему не смогу справиться?

- Да потому, что она требует от тебя большого терпения, точности, внимания.

— Скажи, пожалуйста, какая твоя задача!

- Слушай. Встретился в поезде один богатый человек с нищим математиком и начал хвастаться, как много у него денег. «Хоть я и не знаю столько наук, сколько ты, какая же польза тебе от твоей математики, раз ты такой нищий? - сказал он ученому. - Я разбогател, зная только простую арифметику сложения и умножения». - «А вы уверены, что хорошо знаете вычитание и умножение?» - спросил математик. «Еще бы!» - ответил тот. «А не хотите ли вы, чтобы в течение месяца каждый день я приносил бы вам сто тысяч рублей, а вы взамен в первый день дали бы мне одну копейку, на второй день - две копейки, на третий - четыре копейки, на четвертый - восемь копеек?» - «То есть ты будешь приносить мне каждый день

сто тысяч рублей, а взамен будешь брать у меня копейки?»- удивился богач. «Да буду приносить сто тысяч, а вы взамен давайте мне сумму, вдвое большую, чем накануне». Богатый не захотел упускать случая нажиться и тут же заключил пари. «Давайте начнем с 1 марта». - «Согласен». - «Будем держать пари до 31 марта включительно»,- пожадничал богатый. «Согласен». И они приступили к выполнению своих обещаний, как договорились. Тебя заинтересовала эта история. - А дальше?

- А что дальше? Как ты думаешь, кто мог выйти победителем в этом пари?

- Конечно, богатый... Он ведь каждый день получал сто тысяч рублей и давал займы копейки!

- Но задача заключается в том, чтобы высчитать до последней копейки, кто сколько получил, сколько выдал и сколько осталось чистой прибылью.

Прошла неделя, и ты со своими одноклассниками в конце концов решил задачу. Ты аккуратно переписал два столбика цифр. В конце листка твоим крупным почерком написано: «Ура математику! За 31 день он отдал богачу 3 100 000 рублей, получил же 20 774 836 руб. 47 коп. Чистый выигрыш составляет 17 574 836 руб. 47 коп. Ура математику!»

Какое оно - учение? Легкое? Трудное?

Конечно, учение - дело не из легких. Оно и не должно быть легким.

Если бы учение стало процессом времяпрепровождения, игрой, ребенок вырос бы умственно хилым, безвольным существом, к тому же еще беспечным.

Но нельзя, чтобы трудности учения стали заведомо непосильным для ребенка грузом. Не зная, как справиться с этой тяжестью, ребенок начинает ухитряться избегать ее. И растет он опять-таки умственно хилым и безвольным существом, да еще скорее всего трусом.

«Наши школьные программы перегружены!» - слышу я по радио, читаю в газетах. Мой опыт склоняет меня вместе с другими возмущаться толстыми учебниками, объемистыми домашними заданиями. Вместе с другими я жалею детей, которым так трудно успешно усваивать все школьные предметы.

Почему школьники все больше тяготеют к учению?

Почему многие из них считают, что учение - одно мучение?

Неужели детей пугают трудности умственной деятельности, трудности познания?

Нет, дети не из пугливых. Они не могут, они не хотят избегать трудностей, они ищут их и сами преодолевают.

Но они не хотят - и я убеждаюсь в этом, - чтобы их учили в школе так же, как учили детей в прошлые века. Они не хотят, действительно не хотят, чтобы им преподносили готовые знания, и оставалось бы только раскрывать рот и глотать их порциями.

Чего от них требуют учителя? Внимательно слушать, безошибочно повторять, говорить наизусть, пересказывать в точности, списывать с доски, отвечать на вопросы, вспоминать пройденное, не переглядываться, не списывать у товарища. Но может ли ребенок научиться думать самостоятельно, если нет того, о чем можно думать, если нельзя поспорить с педагогом о «научных» проблемах, да никто и не даст повода поспорить. Так проходят годы, и приученный повторять, подражать, заучивать, ребенок постепенно оказывается не в состоянии самостоятельно познавать, созидать и преобразовывать.

А мы как будто этого и ждем, чтобы еще раз ахнуть и мудро проговорить: «Какое пришло время - учащиеся не хотят учиться... А вот когда мы были школьниками, мы тогда, знаете, как учились!..» И как истинно заботливые взрослые решаем: для будущего благополучия самих же детей - принудить их к учению.

«Детей надо принуждать к учению!» Что это, педагогическая аксиома?

«В ребенке злое начало, и его нужно подавлять силой», Но то же ли это, что и педагогическая закономерность?

Нет, в современных учебниках по педагогике этих формулировок я нигде не встречал. Но мне кажется, они трансформировались в другие формулировки.

Испокон веков существует уверенность в том, что только сила способна укрощать строптивый нрав ребенка. Рассмотрите, пожалуйста, поучительный альбом немецкого ученого Роберта Альта, в котором собраны репродукции рисунков, фресок, барельефов, росписей, оформлений учебников, отражающих типичные сцены процесса обучения и воспитания, начиная с античной эпохи до позднего феодализма. Они вам объяснят, какое конкретное и разнообразное воплощение приобрела эта уверенность.

Раздетого мальчика силой удерживают двое его сверстников. Двое других избивают его пучками прутьев. Рядом, среди мраморных колонн, учитель преспокойно продолжает свои занятия,

Бородатый учитель с чувством глубокого удовлетворения на лице тянет за ухо мальчика с искаженным мучительной болью лицом.

Мальчик со спущенными штанишками просунут между ступеньками лестницы, приставленной к стене, а учитель бьет его пучком прутьев по голым ягодицам.

Мальчика, на голову которого надета маска ослика с длинными ушами, посаженного на осла задом наперед, высмеивает весь класс, а педагог, довольный своим воспитательным приемом, размахивает палкой, пугая ребенка.

Стоящий перед учителем на коленях мальчик зубрит что-то по книге.

Педагог учит своих учеников, держа в левой руке раскрытую книгу, а в правой - пучок прутьев или палку.

Это последнее и есть суть портрета средневекового педагога: в левой руке - раскрытая книга, в правой - пучок прутьев. Его нельзя представить без палки, без прутьев, без ремня, без других средств наказания.

Выросли из этих корней ростки некоторых современных способов обучения. Изменилось, конечно, многое, причем резко, бесповоротно. Однако для многих учащихся учение все же не превратилось в страстное увлечение, многие дети не находят в нем свой жизненный смысл.

Мне кажется, педагоги больше умеют заставить детей учиться, чем побудить их к учению, больше знают, как передавать знания, нежели - как вводить учащихся в «царство мысли».

Почему так получилось? Не в той ли дошедшей до нас уверенности, что ребенка можно обучать только через принуждение, следует искать причину?

Перечитываю один за другим учебники по педагогике, ищу в них пытливых, веселых, неугомонных шалунов, ищу в них малышей, сдружившихся с Карлсоном, Питеров Пэнов со своей компанией, Пеппи Длинныйчулок, Томов Сойеров и Гекльберри Финнов, устраивающих ночные прогулки на кладбище, Тимуров со своими командами, Корчагиных, борющихся за новую жизнь, Олегов Кошевых со своими молодоговардейцами, наводящими страх на фашистов; ищу наших девочек и мальчиков, таскающих груды металлолома и макулатуры, наших юношей и девушек, спорящих о философии жизни в узких подъездах домов и укромных уголках дворов. Я знаю, их много, очень много, они составляют треть населения нашей страны. Хочу прислушаться к их звонкому голосу и песням, их шепоту. Хочу узнать об их стремлениях, радостях, огорчениях. Хочу заглянуть в их духовную жизнь. И наконец, хочу получить от них откровенный ответ на вопрос: «Ради чего на свете отдались

бы вы, со всей свойственной вам страстью, учению, этому необходимому, обязательному и величайшему делу?»

Ищу я этих мальчиков и девочек, юношей и девушек в учебниках педагогики.

Но почему в этих храмах воспитания так холодно и зябко?

Почему здесь такое безмолвие?

Почему в них разгуливает педагог, нахмутив брови, в сопровождении легиона отметок?

Почему в этом саду, где круглый год должна царствовать весна, постоянно зимует зима?

Где птички, цветы, дети?

Где дети, ради которых создан этот сад и написаны эти учебники?

Мне кажется, что я нахожусь в саду великана-эгоиста, оградившего от детей свой сад высокой изгородью и повесившего на ней вывеску: «Вход строго воспрещается». И только потому, что великан изгнал из своего сада всех детей, в этом саду весны и радости вдруг воцарилась зима, замерзло все, улетели далеко от него птички. За изгородью кипела обычная жизнь, шалили дети, пели птички, менялись времена года. В саду же великана властвовала мертвая зима. Грустивший о весне и не ведающий о причине вечной зимы великан однажды услышал пение птички и увидел поразительное зрелище в своем угрюмом саду: в стене ограды в одном месте дети обнаружили маленькое отверстие и через него пробрались в сад, и только на этом месте вместе с детьми заиграла весна, каждое дерево, на которое удалось детям взобраться, начало цвести прекрасными красками, на них сидели птички и заливались радостным пением. Но как только дети увидели подкрадывающегося к ним великана, они страшно перепугались и сразу же убежали из сада, и в нем опять воцарилась зима. И только один маленький мальчик не успел покинуть сад, он не увидел великана.

В этой чудесной сказке Оскара Уайльда все кончается оптимистически.

«Вот, оказывается, какой я злой!» - Великан расчувствовался до слез. «Теперь-то я понимаю, почему весна не приходила сюда. Я посажу на дерево этого беднягу-мальша, а потом разрушу эту ограду, и дети у меня в саду будут веселиться всегда».

Великан горько раскаивался о прошлом. Он подкрался к мальчику сзади, нежно поднял его и посадил на дерево. Дерево сразу покрылось цветами, и птицы слетелись к нему и начали заливаться песнями, А маленький мальчик протянул ручонки, обнял великана за шею и поцеловал. Остальные дети, увидев, что великан больше не злой, вернулись, а с ними пришла и весна.

«Теперь это ваш сад, мои милые детки!» - сказал великан. Он взял огромный топор и разрушил ограду.

Так брали огромные топоры и разрушали ограды великаны мировой педагогики.

Витторино де Фельтре в начале XV века построил для детей «Дом радости».

Ян Амос Коменский в XVII веке строил «Великую дидактику», гарантирующую учителям и учащимся приятное, радостное обучение и основательные успехи.

Иоганн Генрих Песталоцци в XVII-XIX веках в своих воспитательных учреждениях в Нейхофе, Станце, Бург-дорфе и Ивердоне стремился к возбуждению ума детей, к активной познавательной деятельности, этому учил он родителей.

Константин Дмитриевич Ушинский в XIX веке призывал к обучению, в котором серьезные занятия стали бы для детей занимательными, советовал пап учителям завоевать любовь своих учеников, изгнать из класса скуку и не оставлять ни на одну минуту ни одно дитя без дела.

Надежда Константиновна Крупская, мечтая о школе будущего, видела в ней условия для «свободной ассоциации учащихся, ставящих себе целью путем совместных усилий проложить себе дорогу в царстве мысли», из этой школы должно быть изгнано всякое принуждение.

Антон Семенович Макаренко доказал, что доверие, уважение и справедливое требование к воспитаннику являются одним из основных принципов формирования жизнерадостного, целеустремленного коллектива.

Януш Корчак продемонстрировал суть и огромное значение истинной педагогической любви к ребенку, верил, что только на основе любви возможны воспитание и преобразование детей, их самовоспитание и самосовершенствование.

Василий Александрович Сухомлинский своей «школой радости» вселил в нас веру во всемогущую силу радости познания, утверждения в каждом школьнике успехов в познании, чувства доверия к своим способностям.

Каждый день в газетах пишут о творческих педагогах, о них рассказывают по радио и телевидению - учителя эти творят современные чудеса на своих сорокапятиминутных уроках, они вводят детей в глубь науки, разжигают в них страсть к постоянному самообразованию, возбуждают в них любовь к учению.

И как было бы хорошо, если бы были созданы учебники по педагогике, пронизанные пафосом педагогической любви и уважения к детям, пафосом утверждения в них радости познания, пафосом нашего доверия к ним, нашего сотрудничества, совместного поиска, совместных открытий.

Я верю в силу такого воспитания и обучения, то есть воспитания и обучения с позиций самих же детей, с позиций гуманистических начал. И еще верю в то, что, оказавшись в таких условиях, ребенок полюбит учение, и трудности в учении и познании приобретут для него совершенно иной психологический смысл - они станут условиями переживания радости.

Первое письмо от Карлсона, который живет на крыше, ты получил в день твоего рождения, 20 февраля. Ты был тогда во втором классе.

О захватывающей дружбе Малыша с Карлсоном, живущим на крыше, ты уже знал. В течение двух-трех недель, пока мы читали тебе книгу о них, ты жил жизнью Малыша и мечтал иметь друга с пропеллером. Ты готов был верить, что Карлсон действительно существует, он живой человек.

В семье в твои обязанности входило открывать наш почтовый ящик и доставать оттуда письма и газеты. На этот раз твое внимание привлек необычный конверт, разукрашенный в красный и желтый цвета. С его лицевой стороны на тебя смотрел веселый человек с пропеллером на спине. На конверте крупным и нескладным почерком было написано: «Паате. Секретно! Секретно! Секретно! Карлсон с крыши».

Дома была только бабушка, и это облегчило твое положение: ты положил газеты на обычное место и со своим письмом от Карлсона залез под письменный стол.

Карлсон писал тебе: «Я Карлсон. Хочу дружить с тобой. Как только найду возможность, прилечу к тебе. Я же самый занятый человек в мире. Поздравляю с днем рождения. Вчера я решил поступить в первый класс, прямо без прохождения нулевого. Я же самый талантливый, самый умный в мире. Хочешь, проверь: пришли три самые сложные задачи, я их сразу решу и пошлю обратно. Жду от тебя письма. Напиши, какую сказку ты читаешь. Пусть нашим паролем будет «Плим». Письмо я должен получить послезавтра.

Положи его в такой же красочный конверт, как мой. Заклей его, напиши сверху адрес: «На крышу. Карлсону. Секретно. Паата». А теперь до свидания. Карлсон. Плим».

Слова были написаны разноцветными фломастерами, строки шли зигзагами, буквы были то крупные, то мелкие, искаженные.

Спустя полтора года переписка с Карлсоном прекратилась. Он сообщил тебе, что срочно улетает далеко-далеко по очень важному делу. «Я вернусь когда-нибудь. Я ведь возвращаюсь всегда!» Некоторое время ты скучал по своему другу, по своей засекреченной и увлекательной игре.

Ты, конечно, вовсе не думал, что имеешь дело с настоящим Карлсоном, хотя как-то мы, напуганные твоим внезапным исчезновением со двора, нашли тебя на крыше нашего дома.

Ты не открыл нам тогда своего секрета, зачем поднялся на крышу, что тебе там было нужно. «Так, хотел посмотреть, что там!»

Ты мечтал иметь Карлсона - друга, тебе нужны были происшествия с секретами, паролями.

Ты знал, что вся эта игра, длившаяся полтора года, - игра воображения.

Но могу поклясться: ты переживал все, как настоящее, и со всей серьезностью относился к каждому письму с крыши, аккуратно отправлял Карлсону - невидимке свои письма.

Если тогда сказали бы тебе, что все это-шутки, и показали, кто бросает в наш почтовый ящик письма от Карлсона и достает оттуда твои письма к Карлсону, ты огорчился бы, наверное, не на шутку, обиделся бы до глубины души.

Почему ты получал письма именно от Карлсона? Зачем засекреченная игра именно с паролями? И вообще какова была цель всей этой затеи? Эти вопросы ты никогда не задавал нам и. может быть, до сих пор думаешь, что мы просто баловали и развлекали тебя. Но это не так. Мы в эту игру заложили часть нашей семейной педагогики. Теперь, спустя десять лет, я открою тебе наш секрет игры в переписку с Карлсоном.

Нам надо было развить в тебе вкус к познанию и зародить мотивы учения.

Надо было развить потребность и интерес к чтению.

Надо было научить тебя способам познания, учения, добывания знаний.

Надо было воспитать еще многое другое - вежливость, волю, верность своему слову, увлеченность и т. д. и т. п.

Стать школьником - это еще не значит, что ты уже овладел своей профессией ученика. Как учиться и ради чего - ты не понимал. Все дети вначале тянутся к школе. Еще бы - меняется социальный статус. Но через несколько лет, может быть, спустя три-четыре года, обнаруживается, что у многих из них звонки на урок вызывают смутные ощущения тревоги, недовольства, скуки, страха; а звонки, возвещающие об окончании уроков, - чувство облегчения, радости, свободы. А ведь надо, чтобы все было наоборот.

Потому нам и надо было спешить воспитать в тебе положительное, радостное, доверчивое отношение к школе, учению, стремление к трудностям познания и учения. Бабушка, мама, я - все мы вместе и каждый в отдельности внушали тебе важность положения школьника, давали тебе наставления, как учиться, помогали разбираться в тех случаях, когда ты затруднялся. Но все это была сухая, прямолинейная дидактика. Мы призывали тебя к тому, что было не под силу твоей воле. Да разве легко сесть за выполнение домашних заданий, когда из соседней комнаты доносится до тебя знакомое «Ну, заяц, погоди!» и заразительный смех сестренки. Ты то и дело вскакиваешь со своего рабочего места, но бабушка удерживает тебя: «Сиди, сиди, занимайся. Смотреть телевизор ты еще успеешь, а

вот учиться будет поздно!» В конце концов ты начинаешь плакать: «Хочу посмотреть мультфильм!..» Тебе опять напоминают о твоих государственно важных делах, но эти внушения не доходят до тебя. «Вот и не буду учиться, не буду учиться!» Ты начинаешь уже бунтовать.

Сейчас тебе хочется смотреть телевизор. Но надо решать задачу. Этого требует твое будущее.

Именно сию минуту хочется поиграть с товарищем. Но надо выучить стихотворение. Это тоже очень важно для твоего будущего.

Именно сегодня хочется пойти в цирк. Но надо написать сочинение. Без него будет страдать будущее.

Именно сейчас хочется пойти в парк и развлекаться на новых аттракционах. Но надо выполнять грамматические упражнения. Это тоже ради будущего.

И в твоём представлении это малоосознанное светлое

будущее становится туманным. Ты восстаешь против него, ты протестуешь, ты не хочешь принести ему в жертву действительно светлое настоящее, которое манит тебя фейерверком удовольствий.

Так сталкиваются в твоих переживаниях настоящее и будущее. Ты выбираешь настоящее. Настоящее и будущее сталкиваются и у взрослых, только на совершенно другом уровне - в самых верхних слоях сознательности. И они отдают предпочтение будущему ради своего же благополучия.

И вот какая получается ситуация: заботу взрослых о твоём будущем, о котором ты не имеешь понятия, ты принимаешь как покушение на своё настоящее, которое так тебе дорого и ясно. Говоря более обобщенно - добро, творимое людьми для тебя, ты 'принимаешь как зло против тебя.

Вот какая досадная ситуация, может быть, даже трагедия воспитания!

Как можно выйти из этого положения? Может быть, дать детям волю? Пусть делают, что хотят и как хотят. Пусть бегают и прыгают до усталости, пусть смотрят телевизор, пока не начнут слипаться глаза, пусть, наконец, займутся учением, когда вздумается. И все это мы можем подкрепить такими патетическими возгласами, что перед ними не многие смогут устоять: «Какое мы имеем право отнимать у детей детство! Ведь оно дается раз в жизни и длится всего несколько лет! Им нужна свобода!»

Но это ни больше ни меньше как преступление перед детьми; мы будем губить их, оставляя в плену собственных импульсов и не направляя процесс развития способностей. Я не желаю дальше разбирать такой вариант, с позволения сказать, воспитания, приводящего к абсурду.

Может быть, тогда выберем другую крайность: заставлять, принуждать детей подчиняться воле своих воспитателей, воле взрослых? Мы ведь будем так поступать, побуждаемые нашими добрыми намерениями. Мы накопили огромный жизненный опыт, овладели науками и потому прекрасно понимаем, какими качествами и знаниями они должны быть вооружены. В нашем воображении созданы модели того, какими совершенными мы бы хотели видеть каждого из них. Да разве есть у нас столько времени цацкаться с ними, упрашивать и умолять, чтобы они делали то, что так необходимо для будущей жизни их самих же!

Такая точка зрения тоже имеет свои опоры в многовековой практике миллионов воспитателей. И здесь мы могли бы патетически воскликнуть: «Люди добрые! Да не видите ли вы, что дети ни на йоту не могут осмыслить собственное будущее! Не станем же мы поддаваться их капризам! Беритесь за них построже и не давайте воли вашим эмоциям. За вашу сегодняшнюю строгость и туманы они горячо вас отблагодарят в будущем!»

Такая стратегия воспитания тоже не вызывает во мне особой симпатии. Я не могу принять ни хаотическое, было бы вернее сказать, безответственное воспитание, ни императивное, тем более диктаторское.

Я выбираю другую позицию. Она не золотая середина между предыдущими, а совсем другая - гуманистическая. И основывается она на мудрой классической формуле: «Ребенок не только готовится к жизни, но он уже живет». Он живет настоящим, доставляющим ему радости и удовольствия. И только через эти радости и удовольствия он может увидеть смутные контуры будущего. Будущее является смутным для него потому, что оно окутано парами кипящего настоящего. Порой нам удается частично рассеять глубокие слои этого пара с помощью совершенной педагогической техники, и тогда надо спешить, чтобы ребенок умом своим успел заглянуть сквозь них в свое возможное будущее, увидеть себя таким, каким он может стать, будучи благоразумным и восприимчивым к советам взрослых и проявляя устойчивость к удовольствиям, манящим его в настоящем. Но такая педагогика ненадежна, она может добровольно направить ребенка на «путь истины» только на очень короткое время.

Нет, лучше не так. Самую лучшую, радостную, жизнеутверждающую педагогику, как мне это представляется, мы получили бы, если бы нам удалось поселить будущее в настоящем, в настоящую жизнь ребенка впустить струю его будущей жизни, сделать так, чтобы цель нашего воспитания, скрытая за тридевятью земель, поселилась бы на цветущем поле жизни ребенка. Что у нас тогда получится? Получится то, что настоящая жизнь детей будет насыщена сутью их будущей жизни. Получится то, что мы будем воспитывать детей с позиций самих же детей. А самое главное - мы будем располагать их к воспитанию. Истинная гуманистическая педагогика - это та педагогика, которая способна добровольно расположить ребенка к воспитанию, способна возбудить в нем стремление, бессознательное и сознательное, воспитываться, быть воспитуемым.

Взрослые часто сочиняют за детей тексты их выступлений перед публикой, а затем дети зачитывают их с высоких трибун. Зачитывают бойко, мы радуемся глубоким мыслям, горячо аплодируем. Но стоит нам только освободиться от первых эмоций, как нас охватывает недовольство тем, что из уст детей лились мысли взрослых. Дети выпустили на нас струю нашей же мудрости. Мы возмущаемся: «Пусть дети сами говорят за себя! Пусть говорят, что думают! Пусть воспримут они наши мысли сердцем и умом своим, а не кончиком языка!»

Пусть! Давно пора.

Но я все-таки решил сочинить короткое выступление представителя детского парламента, обращенное к взрослым. Хотя оно сочинено мною вместо детей, думаю, его сочинил бы любой ребенок, дай ему счастливый случай хоть на секунду осмыслить заботы воспитателей с позиций самих же воспитателей, взглянуть на свое будущее глазами своих воспитателей.

Тогда бы загорелось его маленькое сердце, и его осенила бы мысль, и он с детской искренностью произнес бы следующее от имени миллионов своих сверстников:

«Дорогие наши воспитатели, мамы и папы, учителя, милые люди, любящие нас и заботящиеся о нас!

Берите нас такими, какие мы есть, и сделайте нас такими, какими должен стать каждый из нас!

Мы будем сопротивляться, шалить, прятаться, хитрить, мы будем радоваться жизни и стремиться к удовольствиям. Ибо это в нашей натуре.

Зачем возмущаться тем, что у нас пока еще нет здравого смысла? Он придет к нам с помощью ваших добрых забот, может быть, не сразу и не очень скоро.

Не надо видеть в нас взрослых, себе подобных, а затем удивляться тому, как мы недогадливы, непонятливы, неблагодарны.

Лучше принимайте нас с нашими недостатками и помогите нам преодолеть их. Только уважайте наше чувство радости, которое мы находим в наших шалостях, неустанных играх, сопротивлении, сиюминутных удовольствиях.

Принимайте ^се это как наши детские болезни, против которых вы никогда не сможете найти вакцины, и лечите нас так, чтобы не было нам очень больно, то есть не лишайте нас наших радостей.

Если окажется, что в нас мало усидчивости, мы ленивы, не желаем учиться, не надо ставить нам это в вину. Это не вина, а беда наша. Не будете же вы ругать человека за то, что он находится в яме, сам не понимая, почему и как он туда попал? И не будете же вы ругать его за то, что он не может выбраться оттуда, а может быть, вовсе не догадывается, что надо выбраться? Скорее всего вы проявите к нему доброту, спустите ему веревку и научите, как выбраться, можете ему выбраться на свет, а затем покажете, какой этот свет многоцветный.

Так помогите нам тоже пристраститься к познанию, к учению, научите, как надо добывать знания и совершенствовать себя.

Нам трудно понять вас. Потому мы и дети. Вы должны разгадать нас. Потому вы и взрослые». Не слишком ли я отвлекся от писем с крыши? Не получается ли так, что всю эту тираду я посвящаю обоснованию бесконфликтного воспитательного процесса, построенного на выдуманных играх и шутках? Как было бы прискорбно мне, если бы кто-нибудь действительно пришел к такому выводу, знакомясь с моим откровением! Я стремился изложить общий подход к воспитанию в целом, в котором засекреченная переписка с Карлсоном является одним из способов его раскрытия. И чтоб никто не схватил меня за горло: «А ну-ка, гони скорей свою педагогику!» - поспешу заявить: «Я сам ее ищу, давайте искать вместе!»

От прапрадедушки перешел к нам по наследству маленький сейф. В нем были две дверцы. Открываешь сперва одну - и там несколько крохотных ящичков. Там я хранил несколько ваших - твоих и твоей сестренки - молочных зубов, прядей ваших волос, таблички с номерами, обозначающими ваши первоначальные «имена» в родильном доме. Затем открываешь вторую дверцу - туда можно класть разные бумаги. У меня там хранились письма, которые я посылал вашей маме и получал от нее, когда она находилась в родильном доме. Здесь же я хранил ваши первые рисунки, листки, на которых были написаны ваши первые буквы и слова.

Я любил открывать этот сейф и рассматривать содержимое. А тебя привлекал секрет открывания сейфа. Этот секрет я доверил тебе.

- Можно мне попросить что-то? Только если ты не обидишься! - Я в это время в очередной раз копался в своем сейфе.

- Можно, конечно. А в чем дело?

- Ты не можешь подарить мне твой сейф, когда умрешь?

- Могу, конечно! А зачем тебе этот сейф?

- У меня есть тайна. Я хочу хранить ее там!

- Тогда зачем же ждать, когда я умру? Может быть, сейф нужен тебе сейчас же? Надо же хранить тайну надежно!

- Но он ведь пока нужен тебе!

- Ничего. Мои бумаги не содержат особых тайн. Ты только вот что: сделай из досок такой же маленький ящик, в который я переложу эти бумаги и вещицы!

Ты смастерил мне ящичек и получил мой сейф вместе с ключом. Ты был рад и, взяв сейф, куда-то скрылся. Я знал, зачем он был нужен тебе.

Ты вкладывал в сейф письма от Карлсона с крыши, а в твой ящик я клал твои письма к Карлсону. Прошли годы, и ты доверил мне сейф вместе с письмами. Я присоединил к ним хранящиеся у меня твои письма, разложил их по датам и запер в сейфе.

До последнего времени ты больше не вспоминал

о Карлсоне. Означало ли это, что ты забыл о нем? Нет. Будучи в девятом классе, неожиданно для меня ты вдруг спросил:

- Скажи, пожалуйста, кто был этот Карлсон, который писал мне письма?

- А ты помнишь его?

- Как же не помнить. Я до сих пор жду его возвращения!

- А зачем тебе Карлсон?

- Он меня учил, я ему доверял... Вот почему. Скажи, пожалуйста, вернется он или нет?

- Откуда мне знать?

- А куда пропал Невидимка, который писал секретные письма Нинульке?

- Тоже не знаю!

Письма от Невидимки твоя сестренка получала два года. Она проходила приблизительно тот же курс воспитания, что и ты. Нинулька доверяла тебе свои секреты, она показывала и письма от Невидимки, согласовывала с тобой свои ответы.

- А кто этот Невидимка, тоже не знаешь? Ты улыбнулся своей доброй улыбкой, я тоже улыбался.

Наши улыбки говорили друг другу: «Конечно, знаем, мы все знаем!» Но я смог устоять.

- Я не знаком с Невидимкой!

- Хорошо. Но все же передай Карлсону, и Невидимке тоже, пусть вернуться. Скоро мой день рождения!

В твой день рождения ты получил поздравительную телеграмму от Карлсона...

Настало время сказать тебе, что в нашем сейфе хранятся не только письма с крыши, но и письма, отправленные на крышу. Ты этого до сих пор не знал.

О чем же вы секретничали в ваших письмах?

«Я придумал самый сложный ребус в мире. Разгадай его. Срок - два дня. Можешь ли ты придумать более сложный ребус, который я не смогу разгадать? Ха-ха! Пришли его срочно. Карлсон. Плим».

«Твой ребус я, конечно, разгадал: «Прометей». Ха-ха! Только там ошибка, пропущена буква «о», и потому получается «Прметей». А вот и мой ребус. (Далее следует ребус в полстраницы.) Паата. Плим».

«Я очень занят важными делами. Выручай. Реши эту задачу за меня и вышли завтра утром. Карлсон. Плим».

«В твоём сочинении я обнаружил 25 орфографических ошибок. Вот они. (Далее следует правильное написание 25 слов.) Паата. Плим».

«Я не знаю значения слов, которые подчеркнуты красным фломастером. Найди их объяснения в словаре и припиши в конце, Карлсон. Плим». (Прилагается вырезка из газеты, в которой подчеркнуто 10 слов.)

«Мне нравится твой прием решения сложных примеров. Он предотвращает мои ошибки. Научи еще таким приемам. Паата. Плим».

«Советую тебе проявлять воспитанность - надо благодарить, когда тебя чему-то учат. Только после этого я научу тебя другим приемам. Карлсон. Плим».

«Ура! У меня открытие. Если заранее два раза прочесть параграф, который завтра будут объяснять на уроке, то научишься в четыре раза большему. Если решать задачи и примеры, которые следуют за заданными, то понимаешь их лучше. Проверь все это на своем опыте. Карлсон, Плим».

«Я хочу знать, как ты рисуешь. Пошли мне несколько твоих рисунков. Паата. Плим».

«Последнее время мне не спится по ночам. Напиши мне длинную-предлинную сказку, Карлсон. Плим».

«Я обидел бабулю, и она не хочет со мной разговаривать. Посоветуй, пожалуйста, как мне с ней помириться. Паата. Плим».

«Ветер забросил, ко мне эти три билета в цирк. Я очень занят - работаю еще над одним научным открытием. Может, пойдешь ты с сестренкой и папой? А потом напиши мне обо всем, что там увидишь. Особенно о клоунах и отчаянных трюках. Карлсон. Плим».

«Большое спасибо за билеты в цирк. Было очень интересно. (Далее следует длинный рассказ о впечатлении.) Паата. Плим».

«Уже десять дней ты мне не пишешь письма. В чем дело? Может быть, ты заболел? Я поднялся сегодня на крышу нашего дома, но там не нашел тебя. Почему не отвечаешь на мои письма? А знаешь, что было у нас сегодня в школе? (Далее следует рассказ об открытом уроке по математике.) Паата. Плим».

«В вашем учебнике для чтения напечатан рассказ о каком-то Малхазе. Говорят, рассказ очень интересный. Напиши мне его краткое содержание. Карлсон. Плим».

«Получил твой подарок. Все десять книжек сказок я уже прочел. Спасибо, дорогой Карлсон! Посылаю тебе плитку шоколада. Ты ведь любишь шоколад? Паата. Плим».

«Я самый предусмотрительный человек в мире. Каждое утро составляю план на весь день, а каждый вечер делаю отчет самому себе - как выполнил свой план. Советую поступать так же. Карлсон. Плим».

«Вот тебе материалы для твоего доклада о пчелах. Какая у них удивительная жизнь! Все это я выписал из детской энциклопедии. Паата. Плим». (Прилагаются выписки на двух страницах.)

«Советую тебе прочесть за две недели «Винни Пух и все, все, все». Я приступаю к чтению сегодня. Кто закончит первым, пусть напишет письмо со своими впечатлениями сразу же. Карлсон. Плим».

«У меня заболел зуб. Пошел сам к врачу. Он сказал, что зуб надо вырвать и будет больно. Но я же самый храбрый. Открыл рот, врач тянул-тянул щипцами мой зуб и еле вытащил. А я как ни в чем не бывало, ни звука, даже улыбался. Надеюсь, ты тоже храбрый. Ведь не зря я с тобой подружился. Напиши, как тебе будут вырывать зуб. Карлсон. Плим».

«Карлсон, когда же ты прилетишь ко мне? Ты же обещал! Мама вчера сказала, что я хороший мальчик. Может быть, открыть им тайну? Они никому ничего не скажут. Паата. Плим».

«Я уже посадил в нашем дворе деревце рядом с первым, Буду каждый день ухаживать за ними, поливать их. Второе дерево, которое я посадил по твоему совету, я назвал твоим именем - «Дерево Карлсона». Я покажу его тебе, когда -ты прилетишь ко мне. Паата. Плим».

«Карлсон, не улетай! Я тебя очень люблю. До твоего возвращения я прочту сто книг, может быть, еще больше. Но ты не улетай. Скоро начнутся летние каникулы. Мы с тобой могли бы поехать в деревню к прабабушке. Она очень обрадуется. Обещаю, что буду

дружить со всеми ребятами нашего двора. Мне не жаль своих игрушек, своего велосипеда для них. Не улетай, Карлсон!.. Возвращайся скорее! Я буду ждать тебя. Паата. Плим».

Карлсон улетел, оставив тебе свои 55 писем, таких, какие приведены здесь, ты отправил ему 80 писем, таких, какие приведены здесь.

Он учил тебя находить удовольствие в преодолении трудностей.

Он нацеливал тебя на радость познания и учения.

Он будил в тебе потребность содержательной жизни.

Он дал тебе возможность ощутить красоту общения с людьми.

Карлсон улетел, оставив в твоей душе добрые воспоминания о твоём детстве.

Когда вернется Карлсон?

Как - «вернется»? Ему никогда и в голову не приходило отдалиться от тебя. Он всегда был рядом с тобой. Он просто перевоплотился.

Ты готовишь домашние задания. Они отнимают у тебя львиную долю времени. Твои учителя, по-видимому, решили придерживаться принципа «Чем больше, тем лучше». Из класса в класс объем домашних заданий все возрастал, и все чаще запирали тебя в твоей маленькой комнатке. Ты заучивал, списывал, повторял, выполнял упражнения, решал задачи.

«Какая скука и однообразие!» - сказал ты раз, когда был не то в пятом, не то в шестом классе. Тебя начал тяготить сам процесс учения. Может быть, это произошло потому, что отметки как побудительные силы потеряли для тебя всякий смысл - ты не стремился к ним, так как в семье мы не придавали им никакого значения. Пусть не обидятся твои учителя, которые ставили тебе отметки и порой ожидали нашей строгой реакции. Мы в нашей семье свергли этих идолов, эти цифры от одного до пяти. Наши отношения с тобой, они никак не колебали, как не меняли наших планов и намерений по отношению к тебе. В общем, отметки не служили нам основой для твоего поощрения или порицания.

Почему мы так восстали против отметок? Нет, мы восстали не против них. Мы просто указали им свое место - быть добрыми показателями качества знаний, но никак не устанавливающими погоду в нашей семейной жизни; быть надежным ориентиром в процессе учения, но никак не мотивом, определяющим суть этого процесса. Для нас было вовсе не все равно, ради чего ты учишься. Мы не хотели, чтобы ты учился ради отметок, ради похвалы и наград или из-за страха лишиться радости общения с нами, близкими тебе людьми. Мы избегали этого - создания условий, которые бы вынуждали тебя говорить нам неправду.

Мы больше всего интересовались не твоими отметками, а твоим отношением к знаниям, к книгам, к действительности, к людям, к жизни. Мы интересовались развитием в тебе стремления к познанию и полагали, что к этому могут вести красота самой познавательной деятельности, могущество самих знаний, радость общения с окружающими, жажда к преобразованию и созиданию. Разве могли помочь нам в этом деле отметки, пусть даже только «торжествующие пятерки», а тем более «обнадеживающие четвертки», «равнодушные тройки», «угнетающие двойки» или, наконец, «уничтожающие единицы»? (Хорошо еще, что многие учителя как бы сговорились отказаться от единиц, совсем уничтожающих личность ребенка). Мы стремились воспитать тебя как целостную личность. В нашей семье мы опровергали всякую претензию отметок представлять твою личность.

Хорош ли «отличник»? Плох ли «двоечник»?

Слышите ли вы, отметки! Какое вы имеете право делить на «хороших» и «плохих» детей, стремящихся к солидарности и созиданию? Как вы смеете пророчить им качества их будущей личности? Кто поручил вам внушать им чувства своего превосходства над другими или неполноценности среди других? Займитесь же вы, отметки, своим прямым делом: станьте добрыми, чуткими советчиками детей на их тернистом пути учения, поощряйте и

только поощряйте их Стремление познавать, помогайте и только помогайте им проявлять терпение в преодолении трудностей!

Я мечтаю о школе, в которой дети учились бы без отметок и принуждений; я верю, что когда такие школы будут созданы, тысячи детей обретут в них истинный смысл своей школьной жизни. Но для приближения такого будущего сперва надо, чтобы отметки уже сейчас лишились функции представлять личность школьника, регулировать его отношения с близкими ему людьми.

Беда, когда родителям мерещится их ребенок этаким «ходячей» цифрой 5, беда вдвойне, если только через нее видят они в нем нового человека. А какое может быть горе, если родители привыкли к мысли, что у них ребенок - ходячая двойка и от него не жди никакого толка. Видел я таких «хороших» пятерочников, в зачетную книжку которых жизнь поставила свою отметку - «негодный для труда и общения», и видел многих «плохих» двоечников, строящих потом новую жизнь, получивших от нее за это высокую оценку - «Человек».

Не перегнули ли мы палку, лишив отметки, которые ты получал, стимулирующей роли? Со временем становилось ясно, что отметки для тебя потеряли мотивационный смысл, и, когда ты за своим рабочим столом выполнял домашние задания, они не плясали перед тобой танец с саблями, они не мерещились тебе во сне, не гонялись за тобой на каждом шагу. Так не оказалось ли все это причиной того, что бремя учения стало тебя тяготить, начиная с пятого или шестого класса? Нет, игнорирование отметок в нашей семейной жизни тут ни при чем. Какая отметка может воодушевлять школьника на каждодневное, в течение нескольких часов, терпеливое выполнение скучных и однообразных операций, за которыми следовали обесцененные и тощие знания! Интерес к знаниям и вкус к познанию терялся не из-за отсутствия отметок, а из-за неадекватной деятельности, вызывающей скуку.

«Почему ты решаешь эту задачу? Кому она нужна?» Ты уже час бьешься над решением одной алгебраической задачи. Злишься, что не получается. Ясно, что допускаешь какую-то ошибку. Но я не могу тебе помочь хотя бы по той простой причине, что не знаю эту новую программу или забыл материал тридцатилетней давности. Главная же причина в том, что я в принципе против того, чтобы вместо тебя выполнять упражнения, решать задачи, чертить, рисовать, диктовать, писать сочинения и все это называть родительской помощью своему ребенку-ученику.

Однако я попытаюсь помочь тебе в другом, в том, чтобы ты осознал суть своего учения, закрепил в себе мотивы познания, превратил эти скучные виды деятельности в творческие.

- Кому нужна она, эта твоя задача?

-- Не мне, разумеется!

--- Значит, твоему учителю математики? Удивительно, неужели он сам не смог решить ее? Зачем мучить своих учеников?

В конце нашей короткой беседы я сказал тебе:

- Эту задачу и подобные задачи, которые даны в ваших учебниках математики, уже решали в прошлые годы несколько миллионов учащихся, и все они приходили к одному и тому же ответу. Их сегодня будут решать у несколько миллионов твоих сверстников во всей нашей стране, а в будущие годы ими займутся другие миллионы. И все они придут к тем же ответам. Наука математика этими вашими поисками в решении задач из учебников ничуть не продвинулась вперед. Но зато движутся вперед дети. Через познание они сами открывают двери разных наук, они входят в них, входят в трудовую жизнь и двигают ее.

Далее мы заговорили о том, какие могли бы быть последствия, если бы во всех учебниках, не только математики, но и других, все задания, задачи, упражнения были бы тут

же решены и детям оставалось бы просто списывать их и читать своим учителям. Ты смеялся:

- Какая чушь!

- Так вот, задачи эти специально придуманы для того, чтобы ты бился над ними и двигал себя вперед. Давай сделаем еще и так. Ты же знаешь, я не умею решать современные ваши задачи. Научи меня этим решениям, я буду твоим послушным учеником. В неделю раза два ты проведешь со мной урок по уже пройденным темам и задашь домашние задания.

Так я стал твоим учеником. Сперва ты отнесся к этому с недоверием, но через несколько уроков ты убедился, с каким интересом и усердием я слушал тебя, задавал вопросы, выполнял задания. Ты начал давать мне и контрольные (и я наотрез отказался получать отметки: «Зачем они мне? Я и так учусь!»), а затем предложил обучать меня географии и ботанике: «Они такие интересные!»

Там мы нашли другие способы учения и познания.

Если это был урок географии, мы путешествовали по странам и континентам, писали дневники наших путешествий, добывали знания и пополняли впечатления с помощью справочников, энциклопедий, словарей, специальной литературы, бесед с людьми, побывавшими в разных странах. Мы путешествовали по карте, на которой передвигали наши флажки и проводили линии нашего следования.

Если это была ботаника, то мы собирали гербарии в нашей окрестности, наблюдали за растениями, ставили домашние опыты над ними, чертили и раскрашивали фломастерами клетки, спорили об их свойствах и прибегали к источникам, чтобы доказать свою точку зрения и правоту.

Я как твой ученик стремился усвоить все, о чем ты мне рассказывал и что объяснял, выполнял твои задания честно, однако проявлял и самостоятельную активность и являлся «на уроки» с кучей дополнительной информации и вопросов.

Ты начал готовить доклады по разным темам и шел на уроки с этими докладами. Некоторые учителя давали тебе возможность читать их на уроках, и это стимулировало твои познавательные поиски. Хотя были и конфликты, которые чуть было не заставили тебя отказаться от такого способа готовить домашние задания. Вот один из них.

На уроке родной литературы учительница дала задание - подготовить пересказ содержания стихотворения об Арсене, народном герое (образец народного творчества). И как полагалось, мы приступили к изучению этого стихотворения, очень интересного, эмоционального. Мы увлеклись им, и хотя оно длинное, выучили наизусть. Одновременно, рассматривая разные его издания, мы обнаружили, что текст в учебнике расходится с текстом в разных изданиях. Тебе не понравились сокращения и переделки, которым подвергли стихотворение составители школьного учебника. Установив эти расхождения, ты подготовил доклад со своими обоснованными доводами и пошел в школу. А там случилось такое. Учительница вызвала тебя отвечать. Ты начал высказывать свои соображения и готов был читать стихотворение полностью, без сокращений и переделок, но тебя остановили.

- Это ты о чем? Я задала вам пересказ стихотворения своими словами, а ты говоришь совсем о другом! И зачем нам эти исследования?

- Мне было жаль портить стихотворение, и я выучил его наизусть, без сокращений. По-моему, его не надо было сокращать и переделывать!

- Постой! Постой! Какое тебе дело до того, как авторы учебника обработали стихотворение? И кто тебя просил опережать меня - учить его наизусть? Скажи честно: ты выполнил задание или нет?

И хотя пересказать содержание было не таким уж трудным делом, ты проявил дерзость:

- Нет. Так я не выучил и учить не буду... Я предпочитаю знать его наизусть полностью!

Учительница рассердилась не на шутку. Двойка была поставлена и в журнал, и в дневник. Меня вызвали в школу. Разговор состоялся в кабинете директора. Я объяснил учительнице наш способ подготовки домашних заданий. Она категорически протестовала против того, чтобы ее ученики занимались не своим делом. Но директор, солидный седой человек, известный в республике своими творческими поисками, спокойно сказал: «Софья Константиновна, может быть, вы все-таки подумаете о таком способе выполнения домашних заданий?»

Это я говорю тебе сейчас, спустя шесть лет. Но тогда, вернувшись из школы, я обвинял тебя в дерзости на уроке и просил извиниться перед учительницей.

- Ты будешь готовить свои доклады так же, как и раньше. Будешь читать их на уроках или внеклассных занятиях. Но проявлять дерзость перед кем бы то ни было, в особенности перед учителями, ты не имеешь права!

Так, пытаясь облегчить тебе тяжесть домашних заданий, я добился этого только частично.

Что здесь было главным? Думаю, изменение вида деятельности. Вместо того чтобы довольствоваться ролью наблюдателя, слушателя, зрителя, исполнителя, ты переходил к более важным формам деятельности - созидания и преобразования. Ты не просто усваивал знания, но добывал и открывал их, присваивал их, овладевал ими. В процессе такой деятельности ты не только овладевал и присваивал знания, но и преобразовывался сам, менялись твои отношения и позиции.

Деятельность... Как много значит она для становления человека. Но не всякая деятельность, а такая, в которую вовлекаются руки, мысли и чувства человека и направляются к тому, чтобы строить, совершенствовать, преобразовывать, открывать, покорять. Деятельность не созерцательная, а созидательная.

Будь моя воля, я бы запретил выпускать для детей игрушки, которые надо заводить или включать в электрическую сеть, а затем смотреть, как они двигаются, перемещаются. Я бы позаботился, чтобы конструкторы разрабатывали, а фабрики выпускали только такие игрушки, которые можно будет разбирать, собирать, опять разбирать, переделывать, перестраивать и находить новый вариант игрушки.

Будь моя воля, я бы мало водил детей в кино, редко включал бы им телевизор; показывал бы им только такие фильмы и передачи, которые призывали бы их к сопереживанию, действию, созиданию и преобразованию. Зато дал бы им ведро с краской и щетку, чтобы красить заборы; дал бы молоток и гвозди - делать скамейки; дал бы чертежи и детали, чтобы строить самолеты и ракеты; дал бы им интереснейшие задачи, которые надо было бы решать посредством поиска необходимых знаний.

Будь моя воля, я бы поставил вопрос: почему некоторые школьные учебники не разговаривают с детьми дружески, не радуют их, не призывают, не помогают, а только пассивно отражают знания и ограничивают детей лишь заучиванием их содержания?

Меньше созерцательной деятельности, больше созидательной - вот какой принцип клал бы я в основу устройства нашего педагогического государства.

Проголосовали бы дети за такую воспитательную систему?

Во мне говорит вера в детей, устремленных в будущее: они этого и ждут от нас.

Мы читали и рассказывали тебе сказки каждый день, каждый вечер, перед сном.

Твое упорство в просьбе рассказывать тебе сказки (к этому в дальнейшем присоединилась и твоя сестренка) заставило меня заняться их сочинением. Сперва я сочинял их стихийно, но вскоре подумал, что надо ввести в них какой-то порядок, то есть

рассказывать не обо всем, а о нравственных началах твоей личности. И хорошо, что всплыли тогда в моей памяти имена десяти братьев, которых моя бабушка в моем раннем детстве пересчитывала по пальцам. «Это Обито! - говорила она, сгибая, мой мизинец на левой руке. - Это - Робито, - это Джимшито, это - Хозито!» Счет на левой руке заканчивался большим пальцем: «Это-Заал!» А затем бабушка продолжала считать пальцы на правой руке, начиная опять с мизинца и заканчивая большим пальцем: «Это - Зураб, это - Данацици, это-Дагургени, это-Бацки, а это - Пирдаубанеди!»

Я не помню, связывала ли она эти имена с каким-либо сказочным содержанием, но я решил их сделать (героями моих сказок, подружить тебя с ними и вместе с ними ввести тебя в сказочный мир. Главным героем этого мира я сделал тебя. Раз вечером, когда ты и твоя сестренка уже приготовились ко сну и удобно устроились в своих кроватках, я начал осуществлять свою пока еще не вполне ясную идею.

- Жил-был один мальчик, звали его Паата, и была у него маленькая сестренка, а звали ее Ниной. И были у них бабушка, мама и папа, И жили они в вечно солнечном городе Тбилиси.

Вы оба сразу запротестовали:

- Это не сказка. Это правда. Расскажи нам сказку!

---Я и рассказываю сказку. Потерпите, пожалуйста, Мама, папа и бабушка очень любили своих детей.

Опять протесты:

- Это же правда. Это про нас, а нам нужна сказка!

- Сейчас и начнется сказка. Раз в полночь, когда Паата спал глубоким сном, пришел к нему Обито. Он еле взобрался к нему на кровать и подполз к его уху. Ухо было прикрыто густой прядью курчавых волос, и Обито чуть было не запутался в ней. Он достал свою саблю и стал отсекал каждый волосок, который мешал ему добраться до уха спавшего крепким сном мальчика.

- Это в моих-то волосах запутался Обито? Не может быть!.. Кто этот Обито?

- Конечно, не может быть. Ты ведь хотел сказку? Вот я и рассказываю ее. А Обито - это один из десяти братьев, самый старший, ростом в мизинец. Так продолжать мне или нет?

- Да-да... Обито добрался до уха...

- Он сунул голову в ухо Пааты и прошептал: «Паата, надень, пожалуйста, свою куртку, бери свою саблю и пошли помогать Прометею похитить огонь у богов». - «Почему именно эту куртку, я же не люблю ее надевать?» - «Она волшебная. И, пожалуйста, поскорей, нас ждет крылатый конь...» Вмиг мальчик был уже готов. «Куда ты?» - спросила его сестренка, которая проснулась в это время. Паата всегда доверял ей свою тайну. «Я спешу помочь Прометею похитить огонь у богов. Вернусь скоро. Будь послушной». - «А ты будь осторожен!» Паата и Обито вскочили на крылатого коня и полетели помогать Прометею. Обито показывал дорогу среди облаков. В это время люди молили Прометея вернуть им огонь, который отняли у них несправедливые боги. Бесстрашный Прометей горячо любил людей и ненавидел несправедливых богов. «Я похищу у них огонь для вас. Вы же не можете жить без огня!» Прометей двинулся к самой высокой, горе Олимп, где несправедливые боги пировали вокруг огня. «Видишь огонь и этих богов? - сказал Обито Паате. Они теперь летели уже под облаками. Сверху им было хорошо видно, как пировали несправедливые боги. Под Олимпом же, в темной долине люди мерзли без огня. - «Нам надо спуститься к богам, только так, чтобы они не заметили нас сразу. А затем надо придумать что-нибудь такое, чтобы боги погнались за нами. Они забудут об огне, и тогда Прометей сможет сразу его похитить и вернуть людям». Паата и Обито спустились на тот склон Олимпа, который меньше всего был освещен огнем. Крылатого коня они оставили в пещере и начали обсуждать, как привлечь внимание несправедливых богов, пир которых напоминал им грохот грома. «Давай

подкрадемся к богам и неожиданно подыдем шум, станем дразнить их!» - сказал Паата. Обито понравился план Пааты. Они начали карабкаться через скалу. Было очень трудно. Поцарапали руки, разодрали колени, но ни Паата, ни Обито не обращали внимания на мучительные боли. Поднявшись на вершину Олимпа, они встали на ноги и что было мочи закричали, перекрыв грохот богов: «Боги, ваша несправедливая власть будет свергнута людьми!» «Кто они такие?» - удивились боги. Они все встали и бросились на Паату и Обито. Паата схватил Обито, посадил в передний карман своей волшебной куртки и побежал вниз. Боги за ними. В это время на вершину Олимпа поднялся Прометей. Он схватил огонь и закричал: «Боги, я похищаю у вас огонь! Помните, люди свергнут вашу несправедливую власть!» Боги растерялись. А когда пришли в себя, погнались за Прометеем, но было уже поздно. Прометей примчался к людям, освещая себе дорогу похищенным у богов огнем. Люди с восторгом встретили своего героя. «Мне в этом трудном деле помог храбрый маленький мальчик Паата, который незамедлительно примчался, как только мой помощник Обито сообщил ему о беде людской. Паата еще много раз будет трудиться для людей! А теперь пусть вернется он в свою кровать и заснет крепким сном».

- А я? Я тоже хочу помочь людям! - сказала Нинулька, как только я закончил сказку.

- В следующий раз, может быть, Паата возьмет тебя тоже, и ты сможешь ему справиться с другими делами! - говорю я Нинульке. Ты доволен сказкой.

На другой день, перед сном, я рассказываю другую сказку: о том, как ты вместе с Робито, вторым братом Обито, ростом с безымянный пальчик, освобождаете Прометея.

На третий день тебя забирает Джимшито, чтобы доставить на корабле продукты и лекарства людям, потерпевшим кораблекрушение и оказавшимся на необитаемом острове. Джимшито, третий брат Обито, ростом со средний палец.

На четвертый день тебе приходится сажать волшебные яблоки, исцеляющие недуги людей. Рядом с тобой трудится Хозито, четвертый брат Обито, ростом с указательный палец.

На пятый день ты даешь веселые уроки вежливости пузатому Заалу, пятому брату Обито, ростом с большой палец, приглашенному ко двору на бал.

На шестой день Зураб, шестой брат Обито, ростом с мизинец правой руки, проверяет твою выносливость.

На седьмой день... и т. д. и т. п.

Рассказывая свои сказки, я часто переходил к прямому обращению к тебе: «Тебе стало жалко птичку. «Как я могу исцелить тебя?» - спросил ты. А она ответила... «Ты не захотел поступить так, потому что понимал, как это нечестно. И ты подумал: «Человек всегда должен быть честен!» «Ты разозлился не на шутку: «Как вы смеете обижать маленького! Он же беспомощный!» И хотя силы были неравны, ты бросился защищать слабого от злых сильных...», «Чем мне обрадовать добрую старушку-соседку, прожившую такую сложную и полезную для людей жизнь?» - подумал ты. Ты начал каждый день заходить к ней, помогать в домашних делах, приносить хлеб и молоко из магазина...»

Эти мои сказки ты слушал, когда тебе было семь-восемь лет. Затем сказки начал сочинять ты сам и рассказывать их по вечерам, перед сном, сестренке.

Как вы, мамы и папы, насчет сказок? Умеете ли вы сочинять сказки для ваших детей, воспитывать их сказками? Мои наблюдения говорят о том, что в семейном воспитании дети остро ощущают дефицит сказок. Нет, речь идет не о том, что сказок мало, хотя хорошие сказки нужны все больше и больше. А о том, что многие мамы и папы не стремятся окружать детей сказками. Почему? Если кто считает, что прогресс науки и техники делает ненужными сказки в жизни детей, это неверно. Это просто заблуждение. Пусть летят самолеты и ракеты, но как они могут заменить ребенку волшебный летающий ковер? Пусть в каждом доме стоит цветной телевизор, но как его можно сравнить с волшебным зеркальцем, взглянув в которое, можно увидеть весь мир?

«Воспитывать детей сказками?» - спросите вы. Да, сказками. То есть не только сказками, но и сказками тоже. Сказки нужны детям как воздух, потому что через сказки, умные, мудрые, с невероятными и обычными событиями, фантастическими и обычными героями они постигнут правду жизни. Сказки помогают нам воспитать в детях доброту души и мужество, радость жизни и честность, надежду и целеустремленность. Сказки предохраняют детей от тщеславия, эгоизма, трусости. Да не только предохраняют, но и направляют их на борьбу против человеческих пороков.

Дети не должны отключаться от мира сказок, и этот мир должны создавать им взрослые, мамы и папы, бабушки и дедушки.

Нет времени рассказывать сказки детям? Надо найти, обязательно надо найти. Особенно по вечерам, когда ребенок ложится спать - вот тогда надо сесть рядом с его кроваткой, выключить свет и добрым голосом волшебника нашептывать мудрую, оптимистическую сказку.

Не умеете рассказывать сказки? Что ж, надо научиться, это нетрудно. Смягчите ваш голос, вложите в него ваше эмоциональное отношение к героям сказки, расскажите сказку медленно и шепотом, и, уверяю вас, вы станете для вашего ребенка самым лучшим чтецом сказок.

Не знаете сказок? Не может быть! Так читайте их и затем пересказывайте детям. Сказок не хватает, но их очень много. Ищите, и вы найдете их на каждом шагу, Не стесняйтесь узнавать сказки от товарищей, от соседей. Объясните друзьям, соседям, знакомым, зачем и какие сказки вам нужны, и люди с радостью поделятся с вами

своими сказками.

Трудно так собирать сказки? Тогда попытайтесь сочинять их сами. Может быть, удастся вам это? Обидно, что каждая мама, каждый папа не одарен способностью Андерсена и братьев Гримм. Но сказки, которые вы попытаетесь сочинять для ваших 'детей, тоже увлекут их, только надо вложить в них жизненную правду и наполнить их оптимизмом. Содержание ваших сказок? Ищите его в воспоминаниях вашего детства, ищите в вашей повседневной работе, в ваших отношениях к людям; сделайте героями ваших сказок образы добрых людей, с которыми вы общаетесь, которых вы знаете.

Мужской разговор.

Как мужчина с женщиной.

Мужской разговор между отцом и сыном.

Он ведется у нас давно, и я не хочу, чтобы он когда-либо закончился.

Я не хочу этого, может быть, потому, что, по мере того как ты взрослеешь, я все больше чувствую, как такой разговор с тобой становится жизненно важным для меня. И твои возрастные особенности, меняющиеся из года в год, и мои, оказывается, тоже меняющиеся возрастные свойства определяют суть наших мужских разговоров. Ступенчатое изменение этой сути происходило по мере того как ты вырос и становился юношей, а я входил в лета и все больше размышлял о философии жизни.

Как-то раз, когда события жизни готовы были осложнить наши взаимоотношения, я вдруг захотел пофилософствовать с тобой. Поднимаясь пешком на девятый этаж, мы приостановились на площадке сделать передышку, и я загадал тебе загадку:

- Послушай! У меня есть состояние, только я не знаю, большое оно или маленькое. Оно постоянно терпит убытки, только я не знаю, большие или маленькие. Я верю, что они приносят людям пользу, только не знаю, большую или маленькую. О чем я это тебе толкую?

Ты тогда сказал:

- Твое состояние - это твоя жизнь. Ты трудишься и этим приносишь людям пользу. Это же просто!

- Дело не в этом. Загадка заключается в том, чтобы понять, почему я загадал ее тебе.

В дальнейшем мы много говорили о проблемах назначения человека в жизни. И философия, которую мы вырабатывали вместе и принимали за основу нашей деятельности, одновременно служила отправным пунктом наших мужских разговоров.

Я возвращаюсь к этому мужскому разговору, сыгравшему в нашей жизни немаловажную роль.

Что такое мужской разговор? И почему мне он так нужен? Я не могу высказаться похвально в адрес составителей разных словарей - толковых, крылатых слов, синонимов, фразеологизмов и т. д. и т. п., которые так безмолвно обошли это прекрасное и разумное сочетание двух слов - «мужской разговор».

О каком разговоре можно сказать, что он самый честный?

О мужском разговоре. Он возникает на стерилизованной почве чувства долга и осознанной необходимости помочь человеку увидеть вещи такими, какие они есть.

О каком разговоре можно сказать, что он сугубо личностный?

О мужском разговоре. Он очищает от сорняков недоразумений и сплетен чувство дружбы, кристаллизует взаимоотношения, устраняет помехи.

О каком разговоре можно сказать, что он жизненно важный?

Опять-таки о мужском разговоре. Он разговор решительный, принципиальный. Он проходит через незримые нити, соединяющие сердца и устанавливающие прямые отношения между людьми. Потому он сложный и, может быть, болезненный.

Мужской разговор - это разговор равных при «закрытых дверях», без коммунике, без огласки. Он возникает преднамеренно, заранее прокрутившись в голове несколько раз и пройдя инкубационный период.

Он не терпит чужого вмешательства. Не терпит лицемерия и лжи.

Мужской разговор - это не куча строгих и императивных наставлений. Это не брань, ссора, крики, ущемление самолюбия.

Мужской разговор - это не посвящение в тайны с уговорами хранить их всю жизнь. Он не сделка и не заговор против других.

Мужской разговор - это очищение души и нравственное возвышение над самим собой, раскрытие тайн и извлечение из них способов самосовершенства, пересмотр прочности уз взаимоотношений.

Мы не любим возвращаться к сути уже состоявшегося мужского разговора, не стремимся напомнить о нем друг другу. Но считаем своим долгом извлекать из состоявшегося мужского разговора выводы для своей деятельности, следовать уговорам, заключенным в нем.

Такое у меня сложилось представление о наших мужских разговорах. Я приступил к таким разговорам с тобой, может быть, еще с той поры, когда ты мог отвечать мне только своим единственным многозначительным словом «ага».

Имею ли я право разглашать тайну наших мужских разговоров, говорить об их эволюции, коль скоро они касались наших личных отношений и нашего общего согласованного отношения к окружающим?

На это я не имею права без твоего согласия. И потому, с твоего разрешения, расскажу только о тех наших мужских разговорах, о которых мы уже договорились.

Один из ранних мужских разговоров, который мне так запомнился, состоялся у нас, когда ты был в четвертом классе. Это пора, когда авторитет взрослых в глазах подростков идет на убыль. Они часто не подчиняются взрослым, бунтуют, ведут себя самовольно. Ты, разумеется, не был исключением. И вот, будучи на таком уровне развития, ты нагрубил маме: стал кричать на нее из-за того, что она не пустила тебя поиграть во двор. Я решил не вмешиваться. Взволнованная мама заплакала, Я тоже нахмурился, не сказав тебе ни слова. После этого конфликта прошло несколько дней. Все осталось позади, все было забыто и мамой, и тобой. Но за эти дни я обдумывал, что тебе сказать, чтобы наш мужской разговор состоялся.

- Давай пойдем в парк! Ты развлекался дома и не хотел идти.

- Послушай, у меня дело к тебе, мужской разговор! - Я сказал тебе это на ухо и очень серьезно.

- О чем? - Ты насторожился.

- Не могу сказать дома. Давай лучше выйдем на улицу!

Ты уже знал, что наш мужской разговор - дело серьезное. Я замечал: ты гордился тем, что у нас бывали подобные мужские разговоры; после них ты заметно вырос: брал на себя обязанности заботиться о родных, близких.

Был конец зимы. Приближался твой день рождения. Мы шли по улице молча, не решаясь начать наш разговор.

--- Послушай, сколько на днях тебе исполнится?

- Десять!

- Да, надеюсь, в таком возрасте ты сможешь меня понять. Можно быть с тобой откровенным?

- Да!

Мы вошли в парк. Сели на скамейку. Я смотрел тебе в глаза и пытался говорить голосом, который нашел бы в тебе сочувствие. Говорил с тобой, как говорят с другом, ища в нем поддержку, совет и помощь.

- Десять лет тому назад я влюбился в одну девушку. Очень влюбился. Я обещал тогда ей, что если она выйдет за меня замуж, я всегда буду ее любить и защищать. Не дам никому в обиду. Ты же понимаешь, что значит дать слово любимой девушке!

Я даю тебе возможность осмыслить мои слова и поверить в мою искренность. Потому говорю медленно, подчеркивая каждую фразу.

- Скажи, пожалуйста, что бы ты сказал о человеке, который нарушил свою клятву?

- Он будет плохим человеком... Нечестным человеком... Трусом.

- Верно. Я согласен с тобой. А как ты думаешь, что могла бы подумать женщина о своем муже, изменившем своей клятве?

- Она, наверное, разлюбила бы его!

- Так вот, я обещал твоей маме, которая для меня самый близкий друг и которую я очень люблю, сдержать свою клятву. Что бы ты об этом сказал?

- Надо обязательно сдержать клятву. Иначе будет нечестно с твоей стороны.

- Всякий, кто будет обижать ее, будет иметь дело со мной. Не так ли? Ты соглашаешься.

- А теперь я не знаю, как мне быть с сыном, который обидел любимую мною женщину. Тебе скоро десять лет. Ты должен посоветовать мне. Могу ли я оставить ненаказанным любого, кто бы он ни был, обижающего мою спутницу жизни? Могу ли я принять какие бы то ни было оправдания от сына, нагрубившего маме? Отвечай, пожалуйста, на это! Ты молчал.

- Я больше не буду... Но ты можешь наказать меня!

- Я тебя наказывать не стану. Ты сам себя можешь наказать. Но я говорю тебе, как мужчина мужчине: не смей обижать любимого мною человека. Больше этого я не допущу... А лучше, если ты сможешь мне защитить маму, Нинульку и бабушку... Бережь их и заботись о них. Раньше я был в семье один мужчина, теперь нас двое... Пошли домой. Больше у нас такого разговора не должно быть.

Мы шли обратно опять молча. На улице мы увидели женщину, продающую букетики ранних подснежников. Мы купили по одному букетику маме, бабушке и Нинульке. Ты преподнес их и поцеловал каждую в щеку.

К этому мужскому разговору мы действительно больше не возвращались. Мы оба помогали друг другу, чтобы не заговорить больше об этом.

Впрочем, нет. Совсем недавно произошло обратное. Я собрался перейти на другую работу. Мама противилась. На этой почве мы поссорились (разумеется, весьма вежливо). Мама очень переживала все это. Атмосфера в семье стала напряженной. Я запирался в своей комнате и не хотел говорить ни с кем. Так длилось несколько дней.

- Можно? - Ты заходишь в мою комнату. - Хочу взять книгу.

Но книгу ты находишь не сразу: в действительности тебе нужна не книга, а разговор со мной. Ты хочешь сам завести мужской разговор. Я это почувствовал сразу по тому, как у тебя книги валились из рук.

- Я хочу тебе что-то сказать! - Ты дышишь глубоко, волнуешься. Я не отвечаю.

- Это мой мужской разговор с тобой... Ты долго будешь обижать маму? Она же права!

- А в чем она права? На что она обижается?

- А я скажу прямо. Она хочет, чтобы ты преодолел трудности на работе, а не бежал от них. Она, конечно, права. Я согласен с мамой. Тебе лучше всего встать сейчас же, пойти к маме и извиниться. Оставь эту затею с новой работой.

Я был рад. Ты снял с меня камень. Конечно, я зря собирался оставить своих друзей по работе. Пусть трудности. Ну и что же? Разве не я сам учил тебя не бояться трудностей? Я смотрел на тебя и радовался. У меня сын. Он заводит со мной мужской разговор. Значит, он становится мне другом и товарищем. Сын мой - друг и товарищ мой!

- Хорошо... Я согласен!

Я встаю и собираюсь принести свои извинения всем: и маме, и бабушке, и сестренке, и тебе тоже. Хочу извиниться за то, что в нашей маленькой квартире за последние три-четыре дня из-за меня чуть не приостановилось время. Ты останавливаешь меня:

- Послушай, папа, я не хочу, чтобы ты впредь обижал маму. Я прошу тебя!

Мой сын - мой друг и товарищ!

- Хорошо, сынок! Так и будет!

Наши мужские разговоры, которые мы вели не так уж часто, сдружили нас. Раньше я пытался познать тебя в основном через себя. Но ты помог мне, эти мужские разговоры при закрытых дверях помогли мне увидеть тебя непосредственно, увидеть таким, каким ты становился на разных этапах как личность.

Мужские разговоры приучили нас доверять друг другу, быть откровенными и правдивыми. Они помогли мне глубже познать самого себя и свою ответственность перед обществом.

И если я не смог здесь более полно раскрыть развивающуюся суть наших мужских разговоров, то это по той простой причине, что я не имею права разглашать их. Зато мы во многом раскрылись и доверились друг другу, и пусть каждый отец попытается понять нас таким же путем, познав суть мужских разговоров в дружбе со своим сыном.

Ты изучаешь события, которые решали судьбу нашей страны, а вернее - судьбу всего мира тридцать* пять, сорок лет тому назад. Меня тревожат твои уроки. Ты выписываешь в специальную тетрадь даты, хронологические события, названия городов, имена маршалов. Ты прекрасно знаешь все это. А на уроке тебя и твоих товарищей по классу по порядку вызывает учитель. Вы ему рассказываете изученное, показываете на карте, без запинки вспоминаете даты и имена. И ждете своих отметок. Вы пересказываете своему учителю содержание параграфов «от и до», а в это время по улицам проходят старики, сопровождая своих внуков и правнуков в детские сады, ведя их в школу и неся их портфели, таща сумки с продовольствием для семьи. В свои семьдесят, восемьдесят, девяносто лет они боятся толпы на улице, боятся переходить улицу, движутся медленно, Но ведь они, эта оставшаяся часть солдат, творящая историю, а теперь доживающая старческие годы своей жизни, и есть живая история! Как может юноша зубрить историю по книге, не прикасаясь к живым героям этой истории?

Я спрашиваю: плакали ли вы на уроках истории тридцатипятилетней давности, говоря об Освенциме, о Ленинградской блокаде, о Сталинграде, о Хатыни? Нет?

Вас знакомят в классе с какими-то цитатами и высказываниями о войне, но ведь в каждой семье есть еще и необработанный фронтовой архив: это письма из окопов, с переднего края огня. Они писались под натиском смерти, и многие из них, запятнанные кровью, матери и жены получали вместе с извещениями о героической гибели сына и мужа. В каждой семье можно найти драгоценнейшие реликвии для семейного музея славы. Это ордена и медали Великой Отечественной, последние снимки в окопах, полевая сумка, продырявленные пулей солдатская пилотка и солдатская шинель, до сих пор еще не утратившие запаха пороха.

Я спрашиваю: приносили ли вы на уроки эти письма и читали ли их вслух? Приносили ли вы эти семейные реликвии на урок, восстанавливали ли события, связанные с ними? Выражали ли вы на уроках чувства высочайшей гордости за своих дедов? Нет?!

Так что это за педагогика пересказывания? Разве можно заучить историю Великой Отечественной, не прочувствовав ее?

Я не могу с этим примириться. Не могу примириться с тем, чтобы реликвии нашего семейного музея славы, фронтовые письма и ордена твоих дедушек спокойно лежали у нас в ящичке, а ты рядом, за своим рабочим столом, бубнил по страницам учебника.

Эта история жива в миллионах семей нашей страны, она жива и в нашей квартире, и ее надо прочувствовать. Как же мне созидать тебя, не вложив в тебя скорбь и гордость о дедах и священную заботу о судьбе нашей Родины!

Тридцать пять, сорок лет - много ли это? Может быть, все уже оплакано и забыто?

Ты сейчас проверишь это сам. Ты станешь свидетелем откликов этой войны. Бомбы взорвутся не на киноэкранах, а в сердцах. Может быть, не надо было мне делать этого, не надо было ворошить раны, зарытые в душе людей? Простите, дорогие мои мамы, что не пощадил я вас! Но этого потребовали общечеловеческие интересы созидания Человека!

- Паата, попроси, пожалуйста, бабушку, чтобы она открыла свой ящик с письмами от деда и прочла их тебе сама! Это тебе необходимо!

Дедушка, мамин отец, сражался на передовой, прошел всю войну, вернулся с многими ранениями. Затем трудился, не жалея сил, и скончался неожиданно за два года до рождения внука. Он не любил рассказывать о себе, но привез с собой ордена Александра Невского, Отечественной войны первой и второй степеней, Красного Знамени, медали. Он не рассказывал о них (разве только, надо полагать, своей жене), но повторял часто: «Каждый день, который я прожил после войны, подарен мне судьбой». Надо, чтобы Паата восстановил события, связанные с орденами, и вник в смысл этого высказывания деда, которого звали Гиви.

Бабушка не хотела доставать письма. А когда Паата начал просить, чтобы она сама их прочла, она долго сопротивлялась. Наконец, она уселась на диван и положила ящик с письмами и орденами на колени. Раскрыла первое треугольное письмо, написанное химическим карандашом. Слезы бабушки, капавшие на него много лет тому назад, растворили чернила и оставили на бумаге следы ее тогдашних радостей и переживаний. Бабушка мужественно прочла первое письмо, но не хотела читать другое и третье. Затем сама увлеклась их чтением, и вдруг по морщинистым щекам потекли слезы. Она плакала, она рыдала.

- Бабуля, что с тобой? Бабуля, родная моя, не плачь!

Ты ласкал ее, целовал, успокаивал, а поток слез на ее щеках все усиливался. Увидя это, заплакала и мама. Ты забрал письма и ордена и приступил к их изучению. На следующий день я послал тебя к моей матери:

- Попроси ее, пусть она достанет свое старинное портмоне и прочтет тебе письма от дедушки, покажет телеграмму из военной части!

Мой отец, Александр, работал в типографии, и я часто бывал у него на работе. Мы вместе обедали в рабочей столовой типографии. Его друзья знали меня и баловали. Там я знакомился с тем, как печатаются газеты, книги, журналы. Однажды вечером папу привезли домой на машине скорой помощи. У него была перевязана правая рука. Мы узнали, что огромный станок, который прессовал матрицы, придавил отцу кисть правой руки. Месяца через два повязку сняли, но мы обнаружили, что пальцы перестали сгибаться.

Мой отец ушел на войну добровольцем и ухитрился скрыть от врачебной комиссии свою инвалидность. Некоторое время он проходил курсы военной подготовки в здании школы, где учился я, а затем там устроили казарму. Я каждый день поджидал отца, который вместе со своей частью выходил из здания школы в час дня и направлялся куда-то. «Папа, папа!» - кричал я и пытался тоже идти в ногу вместе с солдатами. Папа улыбался, махал мне рукой, посылал воздушные поцелуи: «Иди, сынок, домой, присмотри за мамой и сестренкой... Учись хорошо!» А однажды он разбудил нас всех в полночь и навсегда попрощался с нами. Спустя несколько месяцев мы получили телеграмму из его части.

И вот я направляю тебя к другой бабушке. Она достала свое старое портмоне с письмами, но «потеряла» очки...

- Не могу читать... Читай сам. Только про себя, не надо вслух!

Очки ты обнаружил у нее в кармане, и после некоторых колебаний она сдалась:

- Ну, хорошо!

Она читала письма медленно. Те же самые треугольные письма, написанные химическим карандашом, со множеством крупных чернильных разводов радости и горя. Вскоре задрожал голос бабушки, а затем последовали слезы, обильные слезы. И тебе пришлось долго ее успокаивать, ласкать, целовать:

- Не плачь, любимая бабуля ты моя! - Ты забрал письма с телеграммой и принялся их изучать.

И когда ты закончил чтение всех этих писем, я спросил тебя:

- Ну что, страшно? Понял, что значит война? Каково было твоим бабушкам воскрешать те события, ведь до сих пор так жива их боль, их горе.

Были у нас и мужские разговоры по этим проблемам, и я замечал, каким более чутким и нежным становился ты по отношению к своим бабушкам. И еще я заметил: ты начал приводить домой своих одноклассников и показывать им ордена и медали своего дедушки, читать некоторые письма. Бабушки доверили их тебе, передали на вечное хранение. Эти письма и ордена, эти неожиданные слезы и вспыхнувшее затаенное горе бабушек, эта история почти сорокалетней давности отныне стали участниками воспитания в тебе благородных чувств. Деды, которым не удалось увидеть своего внука, вошли в твою жизнь как твои добрые наставники и воспитатели. Мой отец, который до сих пор не перестает воспитывать и напутствовать меня, хотя его давно уже нет в живых и я уже давно обогнал его в возрасте, начал помогать мне в созидании Человека.

И чтобы дальше понести память о предках, мы дарим тебе два имени двух славных дедов - Александр и Гиви. Будут у тебя мальчишки, назови их этими именами и толком объясни им все. Пусть они познают Великую Отечественную как таковую.

Это было в прошлом году. Приближалось лето. Мы решили всей семьей провести его на море. Вы оба, ты и сестренка, любите море, и мы хотели порадовать вас. У нас были планы увлекательных поездок и прогулок по берегам и городам теплого Черного моря. Ты по календарю каждый день высчитывал оставшиеся до поездки дни. Ходил по магазинам покупать надувные матрацы, удочки, тапочки, плавки. Словом, ты и твоя сестренка жили ожиданием поездки, и когда я принес билеты на поезд, вами овладело радостное успокоение:

значит, едем действительно.

Вот такая была ситуация, когда пришли к тебе школьные товарищи: надо организовать трудовую бригаду и поехать летом работать в колхоз, помогать колхозникам собирать чайный лист и ухаживать за виноградниками.

- Мы включили тебя в список! - сказали они и ушли.

Ты расстроился до слез. Что делать? Рушится исполнение мечты, рушится весь семейный план. Нинулька заплакала. Она отказалась ехать без тебя, да и нам не хотелось без тебя ехать.

Вечером мы с мамой начали вместе с тобой обсуждать создавшуюся ситуацию. Все зависело от твоего решения. Можно было пойти к директору школы, объяснить положение, и он, наверное, освободил бы тебя; можно было

тоже, наверное,

действовать через райком комсомола все обошлось бы без осложнений.

- Это же уважительная причина - вся семья в конце концов собралась на отдых, купили путевки в дом отдыха, купили билеты на поезд. Разве это не уважительная причина, чтобы тебя освободить от трудового семестра? - Мама была готова подать заявление директору школы, описать положение, попросить. Ты был согласен с таким решением, и мы коллективно составили заявление.

А утром, когда мама приготовилась отнести его в школу, ты нам сказал:

- Я поеду в трудовой лагерь. Я обязан туда поехать.

Не надо просить никого, чтобы меня освободили!

Ты думал всю ночь, взвешивал. Тебе было трудно отказаться от мечты, которая вот-вот осуществится. Сколько удовольствий! А что будет в колхозе? Собирать чай, ухаживать за виноградниками, ходить по грязи, спать в общежитии. Нет, в колхозе будет не только это. Ты на этот раз сумел определить себя, познать себя как Человека, имеющего свой долг и свои обязанности, которым надо служить, ради которых порой придется жертвовать своими

удовольствиями. Никакие уговоры не помогли - ты не отказался от своего решения. Отмечая, как ты упорно твердил свое «Я обязан, я должен поехать!», я все больше и больше убеждался: может быть, мы уже очень близко подошли к завершению нашей многолетней созидательной -деятельности?

Успокаивать себя, конечно, не следует. Воспитание - скрытый процесс. Это тебе не учение, когда можно передать знания и тут же проверить, как они усвоены. Как проверить, как удостовериться родителям, вырос ли сын честным, преданным, Человеком нового общества? Ни устные, ни письменные экзамены тут не помогут. Надо только тысячу раз удостовериться, что он на деле проявляет верность нравственным ценностям своего общества, ощущая их как личные моральные устои. А потому это твое «Я обязан, я должен!» лучше принимать как рождение в -тебе чувства и сознания долга, которому предстоит еще кристаллизироваться и проявляться в делах тысячу раз.

Только вот какой у нас получился парадокс: мы, всматриваясь в тебя сквозь нашу повседневную суету, оказывается, не смогли заметить, как накапливались в тебе, количественные изменения, ведущие к качественным преобразованиям. По силе инерции вчерашнего опыта мы и в настоящем пытались воспитывать тебя как вчерашнего ребенка, в то время как ты уже успел стать взрослым.

Мы вернули билеты в кассу, сдали путевки в местком, помогли тебе уложить чемодан, и все пошли на вокзал провожать тебя. Там, на привокзальной площади, в честь отъезжающих в трудовые лагеря был устроен торжественный митинг. Вас было несколько сотен. Ты держал знамя...

Ты вернулся через месяц. За это время я все размышлял о том, как у нас в семье шло твое трудовое воспитание. Ведь мы, к сожалению, не смогли приучить тебя к трудовым навыкам и умениям. Правда, мы с тобой любили плотничать и смастерили столик, который стоит на веранде, диван, который у нас в комнате; ухаживали за деревьями, которые мы посадили во дворе; чинили дома краны и убирали квартиру; помогали бабушке закрывать на зиму банки с компотами, тащить с базара и из магазинов продукты. Мы не ленились делать все это и еще многое другое. Мы с тобой перекрасили стены и площадку нашего подъезда, оклеили обоями коридор. Верно, все это было. Но я не могу назвать это систематическим трудовым воспитанием. Это скорее были стихийные трудовые процессы, в которые ты вовлекался по мере надобности. Мы не смогли включить тебя в серьезную, постоянную, целеустремленную трудовую деятельность. Не смогли показать тебе настоящий труд, до пота, до крови. Может быть, над нами довлела подсознательная и, по всей вероятности, излишняя родительская предосторожность, стремление уберечь тебя от сложных работ? Может быть, мы и не знали, как тебя занять постоянным трудом? Эти сомнения не давали мне покоя, пока ты находился в трудовом лагере. Я корил себя и маму за то, что ты не овладел у нас какой-нибудь профессией. Мы чуть передержали, считая тебя ребенком. Потому и волновались.

Ты вернулся через месяц, и мы увидели тебя - мускулистого парня, с крепкими руками, похудевшего, усталого, но довольного. И судя по тому, как ты проявлял готовность снова ехать в трудовой лагерь и работать для общего блага, судя еще по письму старика Хемзе, которое получила школа, мы могли предположить, что труд и долг начинают определять твое сознание и твою личность.

Я описал тебе нашу систему воспитания, которая сложилась в процессе созидания твоей личности. Мы все, твои родные, искренне верил, что ты, современный юноша Страны, станешь достойным членом нашего общества. Твой паспорт, по всей вероятности, не снимет наши родительские заботы о твоём дальнейшем становлении, но он, видимо, изменит формы нашего воспитательного общения с тобой. Как? Покажет будущее, ибо пока нам самим не все вполне ясно.

Попытаюсь суммировать все сказанное, не претендуя на научную точность.

Воспитание создает в каждом отдельном ребенке особое сочетание, особый сплав души, сердца и ума, применив в качестве сырья обнаруженные нами в нем же самом "эти бесценные «вещества». Хорошее воспитание находит в ребенке большие богатства души, сердца и ума, облагораживает и обогащает их и создает из них сплав уникального сочетания. В нем честный ум не может существовать без чистого сердца и чистой души. Они одухотворяют честный ум стремлением творить добро.

Такое сочетание души, ума и сердца, такой уникальный сплав можно получить не в каких-то стерильных, оторванных от жизненных сложностей лабораториях, не где-то в облаках, далеких от беспокойной земной жизни, а в гуще нашей повседневной суеты, наших забот, радостей и огорчений. Цели и устремления людей озаряют наши будни думой о будущем, а гуманность отношений между людьми согревает их оптимизмом. А если это так, то и вывод, ставший для меня основополагающим в моей воспитательной деятельности, думаю, тоже закономерен: в гуманистическом обществе воспитание может быть только гуманистическим.

Главным методом гуманистического воспитания я признаю человеческое общение. Я его мыслю как заботу друг о друге, как жизнь, в процессе которой люди дарят друг другу самое дорогое, что у них есть,- жизнь.

Был у меня и основной принцип воспитания: это

романтика самого воспитания, увлечение воспитателя самим процессом воспитания. Я не берусь судить насколько все это согласовывается с принятыми в науке

нормами, но процесс, который описал тебе, я бы с радостью повторил снова.

Прав ли я? Не ошиблись ли мы?

Ты уже становишься совершеннолетним. Будь добр помоги нам доказать нашу правоту!